Гридень. Из варяг в греки

Автор:
Валерий Большаков

Гридень. Из варяг в греки

Валерий Петрович Большаков

В вихре времен

На что вы решитесь, если в вашем распоряжении окажется машина времени, открывающая портал в 881 год? Сделали бы селфи с Олегом Вещим?

А вот у Игоря Тучина планы гораздо грандиозней! Он хочет помочь князю обучить мощную регулярную армию, побить хазар, приступить к индустриализации, вывести свою прародину в великие державы!

Он не один, рядом его друзья-однополчане.

Четыре товарища, выдавая себя за волхвов, начинают нелегкий прогрессорский труд, чтобы собрать разобщенные земли в единое царство и «запрограммировать» Русь на процветание и лидерство!

Валерий Большаков

Гридень. Из варяг в греки

© Большаков В.П., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1,

в которой все начинается

Меня зовут Игорь Тучин, мне 32 года, я неудачник.

А как еще можно назвать человека, здоровяка вот с таким кулаком – и прописанным на маминой жилплощади?

Да, вот так с маманькой и проживаю. У нее квартира в Ленинграде, который всякие собчаки перетолмачили в Санкт-Петербург. Ну, не знаю – кому мил «град Петров», а по мне так «город Ленина» милее.

Вот пишу сейчас все это и думаю: а что именно я затеял? Дневник? Нет, мне скучно калякать, как последний русский царь: «После завтрака читал. Хорошо и долго погулял. В 7? поехал в город. Обедал у Мама». Какая яркая, насыщенная жизнь!

Удивительно, как это «Николай Вторый» не догадался описать такие важные события, как отправление естественных надобностей!

Тогда что я пишу? Мемуары? Вроде как рановато еще.

В общем, не знаю. Пишу, и все! Вернее, набираю на компе – писать почти разучился, и почерк ужасный стал. Да и привычка к гаджетам въелась – надо записку черканутъ, а рука сама к клавиатуре тянется…

Вот состарюсь, достану эти свои записки (распечатку!) и буду с умилением перечитывать, шамкая беззубым ртом: «Ну и придурок ты был, ну и лошара…»

Нет, лучше так, по-пушкински: «Ну и дурачина ты был, ну и простофиля…» Хотя хрен редьки не слаще.

Вот мысль сейчас мелькнула: а вдруг кто чужой прочитает повесть сию? Да и фиг с ним! Посторонним вход разрешен.

* * *

Информация для размышления.

Детство мое легким и счастливым не назовешь – СССР уже развалили, а нынешнюю РФ еще не построили. Маялись между.

Дурные родители затеяли развод, чем нанесли моральную травму подрастающему поколению. И тогда бабушка Аня, дама весьма энергичная, решила, что внуку лучше не наблюдать сцен из семейной жизни. И увезла к себе в Новгород.

Жила она с дедом Антоном, приватизировав большую квартиру в доме, выстроенном еще до революции. Баба Аня сразу потребовала, чтобы «старый» хоть изредка отрывался от своих ученых занятий и вел со мной воспитательную работу.

Дед был историком, но отнюдь не домоседом…

Я опять отвлекся от писанины и задумался. Вдруг посторонние не поймут, зачем им все эти фамильные преданья? Объясняю: если бы не мой дед, то мне сейчас и писать было не о чем. Разве что как царь: «Проснулся в 7.00, после завтрака поехал на работу. Вернулся домой. Посидел перед телевизором и лег спать».

Так что читайте, чтобы было понятно. Дальше будет интересней, обещаю.

В общем, дед мой обожал ездить в археологические экспедиции. Бабушка, правда, уверяла, что деда вовсе не раскопки влекли, а студентки третьего курса. Ну а что такого?

Дед Антон – мужчина видный, а седина и аккуратные усы лишь придают ему, я бы сказал, опасной элегантности. Он смахивает не то на дипломата, удалившегося от дел, не то на гангстера.

На дона Антонио, который между двумя затяжками спокойно приказывает своим «гориллам» кого-нибудь кокнуть.

И что делать той студентке, если у нее куча пропусков и легкий туман в голове? Протягивать деду зачетку – и расстегивать бюстгальтер…

Меня редко допускали в дедушкин кабинет, где шкафы до потолка были забиты всякими учеными книгами, а ковер над диваном – увешан мечами, настоящими, старинными. Но самую жгучую тайну хранили не клинки и даже не ящики фундаментального стола, а узкая дверь за шторкой. Красиво обитая полосами позеленевшей бронзы, она всегда была закрыта.

Уж как я изнывал, пытаясь перешагнуть запретный порог! Увы.

Бабушка делала вид, что не понимает моих мольб («Ну, дедушка же уехал! Я только загляну, и все. Одним глазиком!»), и переводила разговор на другое. А «дон Антонио» бодро шутил – про чулан Синей Бороды или про подвал с привидениями.

Однажды я прочитал книжку Кира Булычева про Алису, про миелофон – в общем, ту самую, по которой после фильм сняли, «Гостья из будущего» называется.

Так там тоже рассказывалось про вот такую дверь. Главному герою повезло, он ее отпер – и увидел самую настоящую машину времени. Вот я деда и спросил, вернее, коварно подначил: «А я знаю, что там! Там у тебя спрятана машина времени!»

И дед вздрогнул. Напрягся старый, рассмеялся очень уж натужно и повторил свой заезженный пассаж про Синюю Бороду.

Самое забавное, что дед, не страдавший чадолюбием (он вообще не любил детей, даже своих собственных), привязался ко мне. Это он записал меня в секцию фехтования и брал с собой в походы – мы все леса вокруг исходили, катались на лошадях, на настоящей яхте по Ильменю, а веслами я такие мозоли натер, что ладонь твердой стала.

Еще дед учил меня старорусскому языку, на котором разговаривали давным-давно, когда всеми этими землями правил Господин Великий Новгород. Нет, он не заставлял меня зубрить правила и заучивать нудные «топики», как на школьных уроках английского. Дед просто читал древние берестяные грамоты, проговаривал напевно старинные речения, а память у меня хорошая…

Пришла пора, и замаячило 1 сентября.

Я очень не хотел идти в школу, но куда ж тут денешься! Хотя мне повезло – именно в своем 1 «А» я встретил друзей.

Мишку Ховаева, Коляна Белого и Яшку Амосова. Мы как-то сразу перезнакомились и сдружились.

Они потом, все трое, в ту же секцию, что и я, ходить стали. Вряд ли их так уж фехтование влекло. Просто наш тренер, Дим Димыч, затеял снимать кино про мушкетеров, вот их и проняло.

В старших классах все трое это дело забросили, а тогда пыхтели, потели, упорствуя, каждый божий день занимались – и получили-таки главные роли! Все по-честному.

А Галка, серьезная личность с косичками, играла госпожу Бонасье. Хотя ей-то, известной вредине, роль миледи подошла бы куда больше.

Кстати, Дим Димыч первый заметил наше сходство с героями Дюма. Я был повыше, покрепче, посдержанней – и стал Атосом. Маленькому и чернявому Яшке подошла роль д’Артаньяна, утонченный и воспитанный Колька сыграл Арамиса, а плотный, в меру упитанный Мишка – Портоса.

Что интересно, эта наша похожесть на друзей-мушкетеров лишь усиливалась со временем. Мы никогда, кроме как на любительской съемочной площадке, не восклицали: «Один за всех, и все за одного!», но попробуй только нас тронь!

(Товарищи посторонние, не морщитесь! Друзья мои – это тоже важно, уж вы мне поверьте.)

Ну, не буду описывать всякие случаи, в которых закалялась и крепла дружба нашей неразлучной четверки. Вспомню лучше один момент из школьной поры.

Однажды я прямо спросил деда, зачем он таскается со мной по лесу, зачем я бегаю кроссы, дерусь на шпагах и саблях, гребу, совершенствую свой старорусский, на котором никто не говорит?

«Дон Антонио» помолчал, а затем сказал со значением: «Я хочу, чтобы ты стал князем!»

Ну, я малость обалдел, конечно, и дед сразу заспешил – мол, не думай ничего такого, я еще с головой дружен. И обещал все-все рассказать, когда мне исполнится двадцать.

«И дверь свою откроешь?» – спросил я тогда.

«Я дам тебе ключ от нее», – серьезно ответил дед.

В суете и житейской круговерти все это как-то расплылось, отдалилось, перестало волновать и быть важным – девчонки тогда интересовали меня куда больше, нежели какая-то там дверь.

После школы мама меня прочила в вуз, но тут я проявил твердость. Даже так – строптивость.

К тому моменту я уже догадывался, почему отец расстался с маманькой – они с ней никак не могли поделить титул главы семьи. Папуля не захотел всю жизнь ходить в ведомых, безропотно подчиняясь воле супруги, и ушел насовсем.

Не сказать, что маманька у нас – «самодура», нет. Женщина она умная, даже чересчур, хозяйственная и домовитая, хотя и несколько легкомысленная. Например, ей лучше не доверять семейный бюджет – все деньги растранжирит, сколько ни дай. И ты же еще и виноватым останешься! В общем, не подарок.

Вот и я выступил против матриархата. Никаких институтов!

И пошел учиться на кузнеца в техучилище.

Маманька, конечно, в слезы. «Тебя ж теперь, дурень, в армию заберут!» – причитала она. «Отслужу, как надо, и вернусь», – парировал я.

Так все и случилось. Отучился я, получил «корочки» кузнеца ручной ковки 3-го разряда, а следом и повестка пришла.

Наша четверка в военкомате собралась, и мы все, в одних труселях, ввалились в кабинет военкома. Так, мол, и так, войдите в положение, товарищ полковник, – учились вместе, хотим и служить в одной части!

А в кабинете еще один чин сидел, повыше званием. Красномордый, сердитый. Думаю – все, сейчас ка-ак рявкнет!

А он заулыбался и говорит: «Молодцы! Хвалю!»

И угодили мы все вчетвером на одну погранзаставу. Стерегли границу с Китаем. Шпионы не попадались, контрабандистов ловили в основном.

А погранцы – как десантники, всегда в боевой готовности. Иначе говоря, гоняли нас усиленно, по принципу – чем больше пота с вас сойдет, тем лучше наука побеждать усвоится.

В первый же месяц службы мне пришло письмо от маманьки. Помимо обязательного нытья и мощного сюсюканья она сообщала о большой неприятности – дед Антон пропал. Без вести, без следов.

А ты служи и думай – то ли студентка какая увела старого, то ли что посерьезнее случилось. С такими вот мыслями и бдел на границе, высматривая супостата.

После дембеля мы всей четверкой вернулись, устроились, кто куда. Колька в «манагеры» пошел, бумагами шуршал в офисе, Мишка в магазин бытовой техники устроился продавцом-консультантом, а Яшка свой бизнес завел – мастерскую открыл, чтобы мечи, ножи да топоры ковать.

Поначалу я думал, что зря он в долги залез, кредитами обвешался, а оказалось, что желающих заиметь клинок хватает.

Ручная работа, не какая-нибудь поделка фабричная. Короче говоря, устроился я к нему, генеральному директору фирмы «Амос», кузнецом.

Не стану злословить насчет Яшкиных регалий – дескать, начальство «ооошки» с персоналом на три с половиной ставки обязательно мнит себя гендиром. Ну, нравится ему, что на визитке пропечатана такая должность, и пускай. Чем бы великовозрастное дитя ни тешилось…

И пошла, поплелась, поползла моя жизнь. Из дома на работу, с работы домой. Сиживал с друзьями, погуливал с девушками.

Маманька уже тревожиться стала. Внуков-то нет!

Ничего, думаю, потерпишь. Будут тебе внуки. Со временем.

А время шло. Вот уже и двадцатый день рождения отпраздновал, и тридцатник разменял…

Яшка еще больше усох и почернел, жилистость обрел, юркость. Колька красавчиком стал, хоть в рекламе его снимай, а Мишка раздобрел, основательности набрал… Килограммов двадцать лишних.

Я один не изменился – каким был, таким и остался. Хмурым мачо. Плечи широкие, бедра узкие – фигура, как у треугольника. Красны девицы заглядываются на такого добра молодца, а самому молодцу иное невдомек – дальше-то что?

Что, так и жить с маманькой до пенсии? Кислород потреблять, не давать унитазу бездействовать? За аванс с получкой расписываться, в «финку» наезжать… И это все?

* * *

В начале зимы бабушка померла. Маманька, конечно, не поехала на похороны – как разругалась когда-то со свекровью, так и навек, – я вдвоем с Мишкой в Новгород явился.

Все сделал, как полагается. Мужики из ритуального агентства могилку вырыли, опустили гроб, закопали, памятник немудреный установили.

Поминки устроили скромные – кроме нас с Михой, соседка Вера Павловна пришла да двое худых аспирантов. В свое время дед их натаскивал, а бабушка подкармливала.

Борщ. Пюре с котлетой. Солянка. Салат. Морс. Водка.

Выпили трижды по стопочке, не чокаясь, закусили, посидели, поговорили и разошлись.

Ныне лето на исходе, я уже и забыл обо всем, как вдруг Вера Павловна звонит. Все, говорит, сроки вышли, пора в наследство вступать. Ну пора так пора.

Постучался в начальственный кабинет и заглядываю.

Генеральный директор важными делами занят был – мастерил бумажные самолетики и запускал их, не вставая с роскошного кожаного кресла.

– Яш! Мне в Новгород надо смотаться. Отгул дашь?

– Дашь, – согласился Амосов. – Хоть отгул, хоть отпуск. Все равно на ремонт закрываемся. Я тебе не говорил еще?

– Не-а.

– Надо, надо офис в цивильный вид привести, – вздохнул шеф. – Да и мастерскую оборудовать пора. А то зимой дует, а летом не продохнуть.

– Горячо поддерживаю и одобряю.

– А чего ты в Новгороде забыл? – вяло поинтересовался Яков. – На даче чего?

– Да не, картошку я еще на выходных выкопал, – отмахнулся я и сказал со значением: – В наследство вступаю!

– А-а! – протянул Амосов. – Вот оно что… Поздравляю. – Внезапно он оживился и предложил: – Слушай, а давай вместе сгоняем?

– Да ради бога! – согласился я. – Только сам поведешь – я на твоем автомате не привыкну никак.

– Собирайся тогда, я за тобой заеду.

– Лады!

Глава 2,

в которой открывается тайная комната

Побегал я по кабинетам, оформил все, и Яша подъехал к самому бабушкиному дому – старинному четырехэтажному зданию из темного кирпича, чудом уцелевшему в войну. Я поднялся на знакомый этаж и позвонил в дверь Веры Павловны.

Старушка долго не открывала, но вот послышалось шарканье.

– Кто там? – спросил дребезжащий голос.

– Это я, теть Вер! Игорь!

– Ах, Игореша…

Дверь открылась, и щупленькая Вера Павловна выглянула на лестничную площадку.

– Здравия желаю, Вера Павловна! – гаркнул Амосов по-строевому.

– Здравствуйте, Яша, – церемонно ответила старушка. – А я тут приболела немного, сквозняки же кругом, не убережешься… Вот ключики, Игорек.

Сморщенная лапка, похожая на куриную, протянула мне брелок с парой ключей.

– Спасибо, теть Вер, – сказал я, плохо скрывая нетерпение. – Выздоравливайте!

– Ага, ага…

Я открыл дверь и вошел в квартиру номер пятьдесят. Я помнил тут все – и блестящую дверную ручку, и порез на дерматиновой обивке, и скрипучий паркет. А квартира помнила меня.

Стояла тишина, даже напольные часы в зале не отбивали секунды – кто бы за ними смотрел? Это только все бабушкины цветы Вера Павловна перетащила к себе, а механизм ей не было жалко.

Неожиданно я почувствовал разочарование. Квартира словно выдохлась, я не воспринимал тех привычных мне запахов, которые создавали ранее незримую ауру дома.

– Ну вот, – сказал Яша с удовлетворением, – теперь ты наконец сможешь купить себе отдельную квартиру. В Питере жилье подороже будет, но площадь тут – ого-го! Да и дачу продашь заодно, и гараж… Нет, денег хватит! Улучшишь жилищные условия.

– Пожалуй… – рассеянно протянул я.

Пройдя в дедов кабинет, я остановился. Все было, как прежде. «Дон Антонио» не позволял бабушке убирать здесь, сам наводил порядок. И тут я поежился – дверь в тайную комнату была закрыта, но вожделенный некогда ключ торчал в замке.

– А книг-то сколько… – пробормотал Яков. – А это что? Инка… Иконо…

– Инкунабула, – подсказал я.

– Дорогущая, наверно…

Не ответив, я повернул ключ в замке и толкнул дверь. За порогом было темно. Рука сама нашарила выключатель на стене, и яркий свет залил небольшое квадратное помещение.

Я обомлел. Не зря, ох, не зря я так рвался сюда в детстве.

Тайная комната была набита сокровищами!

Нет-нет, передо мной не сверкали золотые самородки, а из ларцов не вываливались груды бус, ожерелий и прочих колье, как в фильмах про графа Монте-Кристо.

Справа располагался стеллаж, сколоченный из досок, заваленный футлярами с папирусами; ножнами с кинжалами, кривыми и прямыми, одинаково разукрашенными каменьями; парой кожаных панцирей, наколенниками, налокотниками, наплечниками, поножами, кольчужными рукавицами…

Тут же лежала толстенная книжища, переплет которой застегивался хитроумными замочками, стояло несколько мраморных бюстов, изображавших кого-то из римских императоров, статуэтки-ушебти из египетских гробниц, кубки из полупрозрачного алебастра, целый сервиз тарелок китайского фарфора и настоящая коллекция шлемов – круглого с выкружками для глаз, который напяливали викинги, остроконечного – именно такой в мультике нахлобучивали на Илью Муромца или Добрыню Никитича, хотя додумались до них ромеи, то бишь византийцы. И бронзовый, с нащечниками, шлем легионера тут присутствовал, и рыцарский топхельм.

А стена напротив была сплошь увешана копьями, мечами, секирами, щитами круглыми и миндалевидными.

Я наклонился, присел и потянул из-под нижней полки неприметный, но весьма тяжеленький сундучок. Его крышка откинулась на кованых петельках, и передо мной тускло заблестела древняя наличность – серебряные дирхемы, тонкие, словно из жестяной банки вырезанные, с полустертой вязью; золотые динары с шахадой на арабском: «Раб Аллаха Аль-Мутасим, амир аль-муминин, халиф, уповающий на Аллаха»; сасанидские серебряные драхмы с царским профилем; золотые номисмы со смешными, полудетскими изображениями императора

Юстиниана II – «точка, точка, запятая, вышла рожица кривая…»

«Да, – подумал я отстраненно, будто вчуже, – выродилось искусство в Византии… При Адриане или Цезаре все римляне хохотали бы над этими варварскими каракулями».

– Ни фига себе… – выдохнул Яшка. – Да ты богач…

– Думаешь? – спросил я, занятый совсем другим.

– Да ты посмотри, сколько тут!

Амосов набрал полные жмени тусклых кружочков и просыпал их обратно – монеты зазвенели, зашелестели, зазвякали.

– Ты лучше туда посмотри, – сказал я.

Поднявшись, я шагнул к стене напротив – она была совершенно пуста. И стеллаж не доходил до нее, и «арсенал», а пол в этом закутке занимал странный механизм.

Представьте себе толстую квадратную плиту примерно метр на метр и толщиной в пару кирпичей. Сверху на этой плите прочно сидели два зеркальных шара и три темных матовых конуса, связанных толстой трубой, завернутой в спираль. Спираль эта была как бы вплавлена в шары и конусы, а под нею мягко светился здоровенный, с голову человека, кристалл-октаэдр.

Яшка быстро встал на колени и доложил деловитым тоном:

– У этой штуки ножки! Короткие! Не, не ножки, просто выступы такие, полушариями. Сверху они поменьше – видишь? А снизу побольше…

Ухватив за край непонятный артефакт, он поднатужился.

– Тяжелый! Как холодильник. Но вдвоем унесем…

Обойдя механизм на четвереньках, он сказал:

– Ух ты!

– Чего там? – утомленно спросил я.

– Не знаю… Наверное, это его передок. Да ты сам глянь!

Я подошел и перевесился, держа руку на одном из шаров. Поверхность шара была гладкая, словно полированная, – и теплая.

А спереди торчало что-то вроде гриба – большого такого. Ножку двумя ладонями только и обнимешь.

Думаете, почему это я был такой спокойный и заторможенный? А просто до меня стало многое доходить.

И давнишняя реакция деда, и его туманные высказывания, все складывалось в одну-единственную непротиворечивую версию.

– Ого! Да он подключен! – послышался возбужденный голос Яшки.

– Куда? – глупо спросил я.

– К сети! Куда ж еще… Вот кабель, вот здесь – ввод… Гляди!

Я присел рядом с Амосовым. В отличие от гладких шаров поверхность конусов и плиты покрывали всякие выпуклости – пирамидки, полусферки, или, наоборот, пазы и круглые отверстия. Кабель подходил к двум дыркам, а рядом был пристроен самодельный пульт – коробочка из текстолита с кнопками и переключателями. Она была приделана к ящичку побольше, тоже самопальному – из него высовывались разные штифты, тонкие, как карандаш, или с палец толщиной, и входили в отверстия на плите.

– Точно не гуманоидами делано, – авторитетно заявил Яша. – В эти дырки не пальцы пихать, а щупальцы всякие.

– Думаешь?

– Ага! Смотри, здесь что-то написано…

Я склонился. Под рычажками и пипочками на пультике «для гуманоидов» белели полоски бумаги, заклеенные скотчем. Самый верхний переключатель указывал на римскую цифру «I». Тот, что рядышком – на «IX».

– Что же это за хрень? – задумался Яша. – Слушай… А может, включим?

– Давай, – согласился я.

И Амосов щелкнул тугим рычажком, переводя его из положения «Откл.» в положение «Вкл.». Свет в комнате мигнул, а зеркальные шары завертелись. Было совершенно непонятно, как это происходило, ведь спиральная труба оставалась впаянной в них! Но… вертятся же.

Зажужжали моторчики, и штифты начали сдвигаться по очереди, то входя в отверстия, то, наоборот, показываясь.

– Я так понимаю, – глубокомысленно заметил Амосов, сидя на корточках, – тут что-то типа переходника. Штифты управляют этой фиговиной вместо щупалец, а сигналы к ним поступают с кнопок. И вообще, плита эта… Видишь? Она тут обломана будто. Наверное, была частью какого-то агрегата побольше. Знать бы еще, какого…

«Господи, – подумал я, – да зачем тебе это знать?»

Замерцал кристалл, озаряя тайную комнату нежным сиреневым светом, а затем на голой штукатурке задрожал яркий лиловый квадрат. И капитальная стена будто протаяла.

Бабушкин дом стоял на правом берегу Волхова, в одном из переулков, выходивших к Рогатице. Квартира была на третьем этаже, а теперь за этой распахнувшейся стеной открывался пологий травянистый берег, где росли сосны вразброс.

Причем трава шелестела вровень с полом – выходи и гуляй.

Множество деревьев было спилено, одни пни высовывались из муравы, зато целый ряд изб строился – мужики в старинных рубахах махали топорами, обтесывая бревна и складывая венцы. Подъезжали дроги, сгружали ошкуренные стволы, а вдали, у самой реки, виднелись бревенчатые стены и башни. Крепостные стены.

Кое-где они были недостроены, и тогда открывался вид на реку – по ней плыли большие лодки под парусом, а иные шли на веслах.

Я как-то внутренне успокоился, повеселел даже – моя догадка была верна!

– Это чё? – прошептал Яша, не вставая с колен. – Стереофильм?

– Нет, Яша, – сказал я. – Это машина времени.

Углядев светившиеся окошки на пульте, я прочел: «881».

– Восемьсот восемьдесят первый год. Сейчас Олег Вещий княжит.

Амосов ничего не ответил. Он подошел к самой стене, которой не было, пощупал воздух перед собой – и шагнул на траву. Огляделся, сорвал одуванчик, вернулся обратно.

– Выключаем! – решительно заявил он.

Щелчок выключателя, и чужой мир в дрожащей бледно-фиолетовой рамке исчез. Снова перед нами серела стена.

Яшка без сил опустился на сундучок с монетами.

– С той стороны никакого дома не видать, – глухо проговорил он, бездумно вертя цветок. – Один этот вырез в воздухе… Не знаю, прошлое там или параллельное пространство, а только это такое… Такое! Давай Кольку с Михой позовем? А?

– Давай, – согласился я.

– Во! – обрадовался Яшка и вытащил телефон.

Глава 3,

в которой я иду на разведку

Николай с Михайлой добрались до нас в тот же день, вечером.

– Чё случилось? – спросил с порога Белый.

Яшка поманил обоих за собой и завел в тайную комнату.

– Включаем? – спросил он у меня, как у хозяина.

– Врубай! – махнул я рукой.

И снова засиял кристалл, и мерцающий квадрат словно вырезал проем в стене.

Михаил в это время хотел ухо почесать, да так и застыл с поднятой рукой. Коля тоже изображал статую.

В мире 881 года вечерело, как и здесь, – протягивались длинные тени, облака по-над лесом окрашивались в багрец. Смутно белели избы, издалека доносилось коровье мычание и стук топора – уже не плотницкого, а обычного – кто-то рубил дрова.

За крепостной стеной разожгли большой костер, и огонь высветил большую лодью с полосатым парусом. Ветер дул попутный, но и гребцы тоже старались, в лад макая весла.

Амосов выключил «штуковину», и «дверь» в прошлое закрылась.

– И чё это было? – спросил Николай напряженным голосом.

– А это такая машина времени, – криво усмехнулся Яков. – Понял теперь, куда дед Антон шастал? Не с раскопок все это, а прямо оттуда, из IX века! Кто там сейчас, ты говорил? Олег Вещий?

– Он самый, – важно кивнул я. – Вообще-то Вещий не совсем князь, Олег как бы регент при малолетнем Ингоре, или Игоре, сыне Рюрика. Сам Рюрик помер в 879-м, когда его наследнику годик исполнился. Сейчас Ингорю три. Значит, Олег останется князем новгородским еще лет двадцать как минимум, а в будущем году и великим князем киевским заделается.

– Вот это ничего себе… – пробормотал Ховаев и тоже поискал, куда бы присесть.

– Да что мы здесь толчемся, – опомнился я, – пошли в комнату!

Все расселись, кто на диване, кто в креслах, и стали думу думати.

– Вы хоть представляете, какие тут возможности вырисовываются? – начал Амосов.

– Да уж, – хмыкнул Михаил, – можно живого Олега Вещего сфотать!

– Или в Константинополь смотаться, – сказал Николай задумчиво.

– Смотаться! – презрительно скривился Яшка. – Сфотать! Да мы всю историю российскую перевернуть можем! Как вы этого не поймете?

– Назовемся волхвами, – развил я его мысль, чувствуя, как она захватывает меня, – а сами прогрессорами поработаем. Отгрохаем там заводики, станем оконное стекло выпускать, бутылки и стаканы – они там ценятся, ну, может, и не на вес золота, но на вес серебра – точно. Бумагу начнем делать, сукно ткать и лен – и на экспорт! Но прежде всего надо к Олегу в доверие войти, боярами стать, пусть даже не великими, а светлыми.

– Это непросто… – поскреб щетину Амосов.

– Ясное дело! – бодро сказал я. – Так ведь не сразу же, а постепенно. И этот год – самый подходящий. Судя по всему, там лето в разгаре. А будущей весной Олег в поход двинет – Смоленск брать, Киев… Вот и мы с ним! Тут ведь как? Вещий затеял не просто Киев брать, он хочет под себя подмять весь путь из варяг в греки. Киев – мелочь!

– Да? – оспорил мой вывод Яшка. – А чего ж он тогда Киев назвал матерью городов русских?

– А ты подумай! – парировал я. – Он же ведь сам править хочет Русью, а тут этот несмышленыш на руках. Вот Олег и сует Ингорю Киев – на, мол, играйся! Ничего из себя Киев не представляет, Ладога с Новгородом в разы важнее. Почему? Да потому что они стоят на важных торговых путях и их каждый год посещают арабские купцы, скупая меха и прочий местный товар. Если ты княжишь в Новгороде, то тебе перепадает изрядная доля серебряных дирхемов, а в Киеве ты будешь сыт, но и только, никакое богатство тебе там не светит. Вспомните Рюрика! Куда он Трувора с Синеусом поставил? В Изборск и Белоозеро – опять-таки это крепости на важных торговых путях. Куда он прочих посадников своих поставил? В Муром, где в Волгу впадает Ока, а это и вовсе стратегически важный пункт. Напротив Мурома – Булгария, по Волге тянется путь из арабов в варяги, а по Оке добираются на веслах и волоком к Днепру, где стоит Смоленск. Это и вовсе перекресток – туда по Западной Двине купцы из Европы добираются, с востока – арабы. Олег хочет и там своего человечка посадить, чтобы финансовые потоки мимо не проходили. Он даже в степи остроги строить будет, чтобы путь по Днепру уберечь от всяких там печенегов. Вот только всего ему не успеть и не смочь. Знаете, почему он решил отомстить неразумным хазарам? Потому что те обнаглели – с каждого арабского корабля, что вверх по Волге поднимался, десятину требуют! Хорошо устроились ребята. Вот и смотрите теперь – чтобы Русь была могуча, надо оседлать все важные коммуникации. Не только Днепр, но и Волгу на всем протяжении, и Дон, а это означает войну с булгарами, союзниками хазар, и с самими хазарами. Может Олег победить их без конницы? Ответ отрицательный. Вот мы ему и поможем! Никакой дружиной все племена не удержать в повиновении, тут армия нужна, регулярная, как у Чингисхана. Десятки собираем в полусотни и сотни, сотни в тысячи, тысячи – в тьмы. Тьма – это десять тысяч воинов. Вот и начнем со звания десятского! Глядишь, так мы и до тысяцкого дослужимся, а то и до темника.

Колька с Михой смотрели то на меня, то на Яшку.

– Вы что, охренели? – выдавил Ховаев. – Так же можно всю историческую последовательность порушить!

– А на хрена тебе такая последовательность? – сказал я агрессивно. – Чтобы князь Владимир, придурок, единую землю на уделы раздал? Чтобы нас потом монголы поимели? Чтобы продвинутый Новгород Москва одолела? Московскому царю ноги надо было целовать, подползая к трону, а новгородцы другие, они так говорили: «Мы только Богу кланяемся!» А чего хорошего в крепостном праве было? Почему Россия вечно должна кого-то догонять и перегонять? Может, давайте сейчас Олегу поможем, чтобы потом, в будущем, уже нас пытались догнать! История начинается сейчас, ребята. Вот выйдем мы в 881-й, ничего делать не станем, и у нас впереди будет блестящая перспектива – пятьсот лет грызни, пока Иван Грозный не соберет воедино раздробленные земли. Пятьсот лет! Чего удивляться нашим либерастам, что слюнки пускают по Европе? За те же пять веков европейцы университетами обзаведутся, цехами да гильдиями, каравеллы с галеонами станут слать в Африку и Америку. А мы? А мы будем догонять и перегонять! Да?

– Ох, не знаю… – скривился Белый.

– А мне нравится, – сказал Мишка с легкой улыбкой. – Тут же все можно! Даром, что ли, дед твой в князи тебя прочил? Знал, старый, чего тут и как!

– Ну, допустим, – дал Колька задний ход. – Но это же все наши мечты, наши хотелки. Вот придем мы к Олегу и начнем расписывать в красках, как хорошо иметь под своим началом регулярную армию. А он нас пошлет!

– Возможный вариант, – улыбнулся я. – Значит, надо сделать так, чтобы мы стали Вещему нужны.

– Как? – сощурился Белый.

– Как волхвы! – сказал я прочувствованно. – Подарим ему новенькие мечи из хорошей стали и расскажем, что еще много таких сделаем, ежели заводик выстроить пособишь. Насобираем здесь бутылок, стаканов – и продадим на торгу в Смоленске или Ладоге. Мигом разбогатеем!

– Верно! – подскочил Яшка. – А с богатенькими иной разговор – к ним прислушиваются.

– Ладно, согласен, – сдался Белый. – Но уговор – без анахронизмов!

– Никаких огнестрелов тамошним мы даже за большие деньги отдавать не должны, – согласился я, не подавая виду, что рад консенсусу. – Сами будем пользоваться! Авторитет наш такие девайсы поднимут мигом, нас станут бояться и уважать.

– Согласен! Только сначала надо на разведку сходить, все выведать. Вдруг там и вправду какое-нибудь сопредельное пространство? Кто пойдет?

– А кому ж еще, как не мне? – пожал я плечами. – Вы же говору местного не знаете, а я учил. Вот и попрактикуюсь…

– Решено! – воскликнул Амосов и вытянул руку, как тогда в детстве, на съемках «Трех мушкетеров».

В его пятерню впечатались моя, Мишкина и Колькина.

«Ставки сделаны. Ставок больше нет».

* * *

Мы договорились, что машина времени, она же МВ, она же «эмвешка», будет включаться каждый день ровно в семь вечера. Часы у меня с собой, так что я буду знать, пора мне возвращаться или еще рано.

Если честно признаться, я немного трусил. Страшно было не встретиться с тамошним варягом, а затевать революцию в Древней Руси. Мы обрекали предков на великие перемены.

Спору нет, многие, очень многие выиграют от нашего «прогрессорства», но будут же и проигравшие. Хотя, конечно, такой расклад наметится в любом случае.

За всю историю человечества не существовало реформы, от которой становилось хорошо всем.

И знаете, что меня странно успокаивало? А я говорил себе: «Да успокойся! Все равно у нас ничего не выйдет!» Представляете?

Нет, ну правда же! Устроить переворот в средневековой экономике, в военном деле и так далее – это ж сколько времени займет? Да наших жизней не хватит, чтобы довести все до конца!

И не надо. Лишь бы запустить процесс, а потом все пойдет по нарастающей. Или заглохнет…

Впрочем, все эти умные рассуждения скользили над потоком моего сознания. Тех нескольких дней, после того как мы посетили тайную комнату, хватило, чтобы изменить нас.

Мы не привыкли к МВ, те чудеса, что она демонстрировала, пугали. Это было запредельным для нас, это взрывало реальность.

Вот представьте себе, что вы атеист, и вдруг вам является ангел. Какой-нибудь этот, шестикрылый серафим. Что вы будете чувствовать, когда все устои прошлого бытия рухнули? Как вести себя?

Вот и мы испытывали похожие чувства. Но таили их, занимаясь всякими нужными делами. Первым делом мы перевезли МВ на дедушкину дачу – мало было желания являться народу, как тот ангел. Волхвы должны приходить из дремучего леса, так и нам, и им, предкам то есть, спокойнее будет.

Перевезли, значит, подключили, активировали. У меня мелькнуло полуопасение-полунадежда, что ничего не выйдет, но нет, знакомая рамка открыла межвременной проход на крошечную поляну.

На нее-то я и шагнул. Найти подходящие сапоги, штаны, рубаху было нетрудно. Подумав, мы решили, что выходить к людям IX столетия в кольчуге и шлеме будет неправильно. Во-первых, странствующие рыцари там еще не прижились. Если уж ты вырядился воином, стало быть, входишь в дружину какого-нибудь

светлого князя, допустим. Да и не о том речь. Мы-то волхвов будем изображать!

Значит, что? Значит, следует народ тамошний слегка удивить.

В общем, мечом я опоясался, только вот панциря не надевал, даже кольчуги, прямо поверх длинной рубахи затянул перевязь – так, чтобы ножны находились на спине. Рукоятка меча выглядывала над плечом – выхватить легко, мечи в этом времени не шибко длинные. Шлема на мне тоже не было.

Да и зачем он волхву? Зато под рубахой хорошо сидел бронежилет из кевлара, а за кушаком прятался пистолет «ТТ» – старенький, но вполне пригодный к службе.

Это Яшка достал – нынче за деньги все купить можно, хоть атомную бомбу, только плати.

Спросите, зачем мне пистолет, когда меч есть? А вы пробовали когда-нибудь голову человеку отрубить? Или проткнуть его насквозь так, чтобы лезвие вышло из спины, дымясь кровью?

Скажете, что пристрелить человека тоже нелегко? Согласен.

Просто у меня были большие сомнения насчет моих умений в фехтовании. Спорт – это спорт, не надо его путать с реальным боем. А то насядет на меня какой-нибудь громила-викинг, и что я ему скажу? «Эт ву прэ?»[1 - С французского – «Вы готовы?» Команда в спортивном фехтовании. Если участник состязания не готов к бою, он должен топнуть ногой и поднять оружие вверх.]

Боюсь, он меня не поймет…

– Ну все, – выдохнул я. – Поехали!

Яшка молча включил МВ, и стена из бруса растаяла передо мной, открывая дремучий лес. Великанские дубы обступили поляну, а в тени виднелся покосившийся идол – довольно искусно вырубленное из древесного ствола изображение сидящего старика, сложившего руки на пузе. Нос крючком, рот брюзгливо распущен… Божество старперов.

Судя по тому как сей кумир затрухлявел, мало кто поклоняется ему. Тем лучше для конспирации. Плюс особая примета.

Ну все?

Пересиливая себя, я шагнул на траву и обернулся.

Друзья смотрели на меня из будущего.

– Ну, вы там готовьтесь, – бодро сказал я. – Пока!

Развернулся и пошел.

Глава 4,

в которой я знакомлюсь с местным населением

Признаюсь, страшно было оставлять поляну. А вдруг что случится с МВ? Или сработает… ну, не знаю, какой-то неизвестный пока принцип темпоральной неопределенности. И я не смогу вернуться обратно. И останусь один-одинешенек в чужом мире, в чужом времени. Бр-р!

Но это все правильные страхи, если можно так выразиться. Бояться – это нормально. Страх – это предупреждение об опасности.

Испугался? Ничего, главное – не дать раскрутиться панике.

Так что я шагал по лесу, поглядывал вокруг, под ноги и не забывал смотреть за спину, чтобы упомнить обратную дорогу.

В принципе, я так часто бывал на дедушкиной даче, что давно запомнил все ориентиры. Вот только здесь, в этом веке, они не всегда срабатывали.

Деревья росли совсем иные, да такие здоровущие, что оторопь брала. Даже ивы – и те в два обхвата. И речка, по берегу которой в том времени шла дорога, тоже выглядела незнакомой – более полноводной, шумливой. И берега иначе подмыты…

Ага! А вот и подлинный ориентир!

Я с удовольствием погладил шершавый бок громадного валуна. Эта каменюка была приметной и в будущем. За тысячу лет валун почти не изменился, только пуще в землю врос – там.

Около валуна я и встретил первого местного. Это был бодренький дедуся в домотканой рубахе с вышивкой у ворота, в портках того же серо-бурого колеру (не думайте, что грязь, просто ткань тогда не отбеливали) и в лаптях да онучах-обмотках. Длинные седые волосы его были собраны в пучок на затылке, а бородка аккуратно подстрижена.

И дедок был не прост. Лапотки – это так, временная обувка, лишь бы в лес сходить, а через плечо у старого висели добротные сапожки, мягкие и на завязках. Бережливый был дед.

Наряд его дополнял богатый ремень – широкий, с серебряными бляхами, круглыми, звездчатыми или изображавшими птиц со зверюгами. Это был настоящий воинский пояс, таким одаривали бойца при вступлении в дружину, а кого попало в гридь не принимали.

Для несведущих посторонних: гридь – это то же самое, что дружина, а рядовой зовется гриднем. Вот только воина из дружины нельзя называть дружинником. Дружинник – это, в наших понятиях, начальник ХОЗУ. Он следил за исправностью амуниции, оружия, щитов и броней всяких, закупал и хранил провизию, ну и так далее. Все ясно? Тогда продолжим.

В том, что первый встречный когда-то служил гриднем, сомнений у меня не было. И не потому только, что на поясе у деда висели ножны со здоровенным ножом, – воина выдавали повадки.

Взгляд цепкий, бесстрастный, не бегающий, как могло показаться, – это старец заросли глазами обшаривал, вычисляя, один ли я или кто еще есть.

Дед нес лукошко в правой руке – и переложил его в левую, чтобы не мешало клинок выхватить да вражину почикать. Впрочем, никакой агрессии – старому гридню было даже любопытно, что это за тип по лесу шатается.

Рубаха проста – а не огнищанин[2 - Огнищанин – вольный землепашец, хозяин огнища – лесного участка, где выжигались деревья и распахивалась (не плугом, сохой) земля под поле или огород.], меч за плечами – а не воин.

– Здрав будь, отче, – поклонился я.

– И тебе поздорову, – степенно откликнулся старик.

Несмотря на возраст, голос его сохранил силу – такой у нашего сержанта был. Как заорет, бывало: «Рота, подъем! В ружье!», так легко с сиреной перепутать.

– А верной ли дорогой иду, попаду ли к Новогороду? – спросил я нараспев (такая уж мелодика у старорусского).

Дед усмехнулся.

– Если с тропы не свернешь, аккурат к Новому городу выйдешь, – проговорил он, – а ежели левее возьмешь, у стен Городища окажешься.

– Слыхал я, в Городище том князь ваш проживает с дружиной своею… – проговорил я с самым невинным выражением.

Надо же как-то сведения выпытать! А то не знаю до сих пор, туда я попал или не туда.

– Не соврали тебе люди добрые, – молвил дед серьезно, – правду сказали.

– А как зовут князя? – выпалил я.

Глаза дедовы обрели колючесть.

– А сам-то кто будешь, человече?

– Волхвы мы, – наметил я скупую улыбку (давно хотел так написать, штрих такой мужественный добавить к своему портрету).

Эге! А статус-то я верный себе назначил! Ишь, с какой опаской глянул старый. Отступил даже на полшага, и руку правую подальше от истертой рукоятки убрал – во избежание.

– Не боись, отче, – сказал я снисходительно. – Зла людям не чиним, а о князе спросил, лишь бы убедиться, туда ли попал. Не Олегом ли наречен князь ваш? Не Вещим ли прозван?[3 - Если верить летописям, Олег получил свое прозвище лишь в 907 году, после удачного рейда на Константинополь.]

– Так и есть, – приободрился старик.

– Добре! – обрадовался я, хоть и виду не показал. – А имя мое – Ингорь.

Надо сказать, что в те времена люди просто так не представлялись – опасались, что нечистая сила услышит имя и пакостей понаделает. Тогда слово считалось равным деянию, люди не то чтобы верили в заклинания – убеждены были в их силе. А если колдун или злой дух узнавали имя твое, то обретали над тобою власть. Поэтому люди, хоть и представлялись друг другу, но с замысловатыми оговорками, лишь бы нечисть запутать.

И тут еще один момент – коли уж я спокойно назвался, стало быть, не боюсь всяких виев да упырей с вурдалаками, сильней я их. Настоящий волхв.

Помолчав, дед сказал осторожно:

– Люди называют меня Гюрятой, сыном Полюда из рода Мирошкиничей.

– Мир тебе, Гюрята!

– Мир и тебе, Ингорь!

Старец поклонился, и мы разошлись. Гюрята прошел совсем рядом, и я решил, что не так уж он и стар, как кажется, – лет полста, от силы.

Встреча эта меня изрядно взбодрила – я понял, что попал в «правильное» время и что язык мой до Новгорода точно доведет, а потом и до Киева.

Дальше тропка пошла глухая, и тут я дал маху – потерял бдительность. И IX век тотчас же напомнил о себе.

Пичуги, только что распевавшие, затихли – явный признак чьего-то присутствия, а я не обратил на это внимания. Занят был приятными переживаниями, полон позитива.

Сильнейший тычок в спину едва не свалил меня. Пошатнувшись, я заметил оперение стрелы, воткнувшейся мне в спину. Если бы не бронежилет, тут бы «волхв» и врезал дуба.

Оглянувшись, я увидел заросшего, лохматого мужика, затянутого в кожаную куртку и штаны охотника. В руках он держал лук – не боевой, от которого меня не спас бы никакой кевлар, а охотничий.

Стрела с граненым острием, выпущенная из лука, усиленного костяными накладками и оленьими жилами, при попадании сносит человека с места.

А этот… леший выпустил в меня, наверное, срезень – это такая стрела, наконечник которой больше всего смахивает на топорик. Если обычная стрела как бы затыкает собой рану, то срезень позволяет литься крови, ослабляя жертву.

Я даже испугаться не успел, зато разозлился страшно. Терпеть не могу, когда на меня наезжают! А уж если покушаются…

Нет, если бы «леший» умотал с перепугу, я бы плюнул и ушел. Так нет же, этот придурок выхватил из колчана-тула новую стрелу, молниеносно снарядил лук и вскинул, намереваясь добить.

Именно ярость помогла мне преступить заповедь «не убий» – я выхватил пистолет и нажал на спуск. Прогрохотал выстрел, а промахиваться меня еще на заставе отучили. Правда, целился я в голову, а попал в шею, разорвав сонную артерию.

«Леший» только и успел, что руки вскинуть, обронил свой лук да и выстелился. Но это был не конец.

Из-за дерева выскользнул еще один тип в коже, тоже нестриженый и нечесаный. Этот с ходу замахнулся метательным топориком, но ему помешал Гюрята – старикан бесшумно возник за спиной лешего № 2 и всадил тому нож в спину без особых церемоний. Лезвие вышло спереди, прободав насквозь печенку, а с такими травмами долго не живут.

Нумер второй упал на колени, раззявив рот, и по клочковатой бороде его хлынула темная кровь. Гюрята выдернул клинок, и мужик мягко завалился на бок. Готов.

– А ты силен, волхв, – с уважением сказал старик. – Я шел за тобой, хотел проверить, правду ли баешь, а тут эти. Силен, однако…

– Он меня разозлил, – сказал я, заводя руку и выдергивая стрелу. – Что за дурные манеры – стрелять в спину?

Гюрята хмыкнул. Подойдя к убитому, он осмотрел тело и ножом выковырял пулю, застрявшую у «лешего» в хряще позвонка. Полюбовавшись ею, старик покачал головой:

– Однако… Стрелой без древка убил, с огнем и громом… Силен!

Я скромно потупился.

– А насчет этих, – Гюрята небрежно кивнул на трупы, – не беспокойся. Никто с тебя виры не стребует – это же братья Твердославичи, оба изгои. Позволь стрелу твою себе взять!

– Дарю! – сделал я широкий жест.

И мы расстались, если не друзьями, то добрыми знакомцами.

Нападение здорово меня взбудоражило – сердце колотилось, губы пересохли, во рту кисло от адреналина, но никаких мук совести я не испытывал.

Напротив, злое торжество переполняло меня.

Они первыми начали – и получили свое. Тем более – изгои, изверги. Изверг в буквальном понимании этого слова – человек, изгнанный, извергнутый из рода. Гнали таких за гнусные преступления, и это было серьезным наказанием – судьба изгоев была печальна. Они же вне закона! Любой может убить изверга или чужака-одиночку. И ничего ему за это не будет.

Но не дай вам боги учинить насилие над обычным свободным человеком, не рабом! Тогда за него вступится весь его род, и горе вам! Хорошо, если родичи согласятся на выкуп – ту самую виру, а ведь могут и кровную месть объявить. И тогда не только вас кончат, но и весь ваш род вырежут.

Жестоко? Еще как. Зато действенно – ни один дурак не решится на умертвие, уж слишком это чревато. Здешние законы не знают смертной казни – зачем? Не Европа, чай…

Чужак-одиночка… Я усмехнулся. Во-во… Это про меня. Наверное, братцы Твердославичи не зря именно меня «мочить» решились – я же тут никто! А местных они всех знают – в теперешнем Новгороде едва ли тысяча человек проживает. Большая деревня.

Так что бди, чужак! Нет, до чего ж мы умные оказались, возведя себя в волхвы! У этих «кудесников, любимцев богов», как и у воинов, особый род. Если ты убьешь гридня, то будешь иметь дело со всей дружиной. Нападешь на волхва – обидишь богов. А уж эти высшие существа устроят тебе веселую жизнь!

Глава 5,

в которой я ночевал не дома

Перейдя ручей Жилотуг по добротному мосту, сложенному из бревен, я вышел на опушку леса. Опушка эта была искусственной – попросту деревья были вырублены в широкой полосе между чащей и крепостной стеной, дубовые бревна которой лишь начинали чернеть – год или два как выставлены.

Стена шла по верхушке высокого вала, скатывавшегося в глубокий ров. Вот уж где работенки хватило! Попробуй-ка без экскаватора такую массу земли перелопатить!

Правда, тут раньше ручей протекал, так что строители всего лишь расширили русло. И получилась полуречка-полуканал, Славенская Копань.

И зря в будущем фыркали глупые небрежители родной земли – дескать, из дерева только варвары строят, а вот в Европах…

А что в Европах? Там сейчас такая же тайга кругом, как и здесь, и замки рыцарские больше всего напоминают большие бревенчатые избы с утоптанным земляным полом, посыпанным соломой, в которой роются куры. И ходит тамошний «лыцарь» босиком, пинает несушек и собак, чтоб не лезли, дует кислое пиво и стряхивает с себя сереньких вошек – просвещенные европейцы отродясь не мылись.

Это раньше, еще при римлянах, были термы с горячей и холодной водой, а ныне там полная антисанитария.

Что же касается крепостной стены, срубленной из дерева, то проломить такую куда сложнее, чем выложенную из камня. Таран не возьмет ее, отскакивать станет – древесина упруга. Да и стена-то толста! Строили так: возводили две стены из бревен, а между ними засыпали землю, глину да камень. Поди-к, возьми!

Замучишься штурмовать.

Я вышел к строящемуся городу с юго-востока, к Славенскому концу. А вообще вся эта сторона Новгорода, по правобережью Волхова, будет называться Торговой – потом, лет через двести, когда Торг перенесут сюда. Пока же продавцы и покупатели шумят на противоположном берегу, в южной части Детинца, новгородской цитадели.

Воротная башня находилась ближе к Волхову. К ней вел мост без перил, не подъемный, обычный, но крепкий – телега с сеном по нему проехала, а он даже не загудел.

Я двинулся следом. Стражи у ворот бдели, но мне особого внимания не уделили. Часовые были молоды, с редкими бороденками, отчего смахивали на дьячков, в кожаных доспехах и с копьями. Шлемы у них тоже были из нескольких слоев толстой кожи, возможно, турьей, с нашитыми крест-накрест полосками бронзы.

Дороги тут латы, даже кольчугу отец передает в наследство сыну, а вооружаются в основном копьями да секирами. Мечи редки, клинок – это статус. Да и попробуй его купи!

Хороший меч приличной ковки, дамасской или харалужной стали, стоит полтора кило золота, по весу, и даже обычный клинок обойдется в цену доброго коня. Это где-то пятьдесят-сто дирхемов. Иначе говоря, от полутора до трех золотых динаров[4 - 1 серебряный дирхем был равен 6 медным данникам. 35 дирхемов составляли 1 золотой динар.]. Круто.

Наверное, братишки-лесовики потому и соблазнились, что меч мой разглядели. Решили, что раз уж с мечом, стало быть, и с деньгами. Ну, правильно в общем-то решили.

Я зашагал по главной улице – Большой Пробойной Славенской. Ее пересекали Кончанская, Варяжская, Нутная и Виткова. Несколько усадеб уже были выстроены, кое-где участки домовладений были огорожены частоколом, но за воротами наблюдался «нулевой цикл» – работяги копали фундамент, укладывали камни, а то и зачинали первые венцы будущего терема. Но чаще всего попадались пустыри, где торчали пеньки да несрубленные кусты – заходи и стройся.

И строились – стук топоров, визг пил, скрип тёсел доносились отовсюду. Ударная феодальная стройка.

Покрутившись, я выбрался на берег Волхова. Детинец на том берегу не внушал особого почтения – крепостца как крепостца.

И базар при ней, то бишь Торг, также не выглядел очень уж оживленным. Да оно и понятно, Новгороду всего несколько лет исполнилось, не все еще и слыхивали о нем. Основное торжище расположено на другом конце Волхова, возле устья, в Ладоге. Ее еще Альдейгой называют.

Ладоге уже больше ста лет. Тут я усмехнулся – не прошли даром дедушкины штудии, все в памяти держится!

Углядев торговца, разносчика снеди, я мигом ощутил голод. А тут и запахи такие накатили, что я чуть слюной не захлебнулся. Достав из кошеля дирхем, я призадумался.

На лотке у торгаша румянились кулебяки, пирожки, расстегаи, а то и просто куски отварного мяса, завернутые в лепешку. Вкуснятина, конечно, но за дирхем я легко куплю десяток кур или шкурку куницы. Или нож.

Короче, надо разменять.

– Кулебяку мне, два расстегая и… Пирожки с чем?

– С ягодой и медом! – залучился представитель местного фастфуда.

– Четыре давай!

И протянул дирхем. Торговец довольно кивнул и вытащил нож. Прямо на ближайший пень положил мою серебряную монету и приставил к ней нож. Поднял голову, молчаливо спрашивая: так пойдет?

– Если кусок холста найдешь, чтобы завернуть, и хороший кусок мяса, да с хлебом, – сказал я, – то режь пополам.

– Найдем!

И протянул мне сдачу – половинку разрезанного дирхема. Аккуратно завернув мой заказ в чистую холстинку, вручил узелок мне.

– Благодарствую, – сказал я и объявил перерыв на обед.

Что сказать? Очень даже ничего. К пирожкам тем еще бы и чайку…

Но это уже капризы избалованного индустрией организма. Зато в потребленных мною яствах точно нет никаких последов цивилизации – всяких консервантов, ароматизаторов да стабилизаторов.

Поев, я украдкой глянул на часы и засобирался «домой».

Пока дойду, пока то, сё… Лучше обождать, чем опоздать.

Бодрым шагом я отправился назад, сытый и довольный. Все слопать я не смог – ничего, угощу жителей XXI века от щедростей IX.

К месту встречи я добрался в половине седьмого. Солнце уже закатилось, начало темнеть, и я нетерпеливо ожидал, когда же в воздухе очертится ярко-лиловый квадрат.

Часы пискнули, озвучивая «19.00». Я сидел на поваленном дереве, рядом с тем самым запущенным идолом, и неторопливо поднялся, готовясь сказать что-нибудь умное, типа «маленького шага человека» – как там Олдрин зачитал придумку земных пиарщиков.

Пять минут спустя мое растущее нетерпение сменилось глухим беспокойством. Прошло еще с четверть часа, и я сел обратно на бревно. Идол, как мне показалось, злорадно улыбался.

Я нисколько не сомневался в друзьях, они просто не способны были бросить меня. Значит, это МВ забарахлила.

Хотя какая мне разница? «Эмвешка» у нас не на гарантии. Кто, даже в том веке, возьмется чинить машину времени, возможно, обломок корабля пришельцев-негуманоидов?

А что? Придумали же Стругацкие звездолет-гравитабль, запитанный от «двигателя времени»? Потерпел такой гравитабль аварию в незапамятные времена, негуманоиды его починили, негодную деталь выбросили, а дед ее раскопал. И запер в тайной комнате…

Господи, поморщился я, и о чем только у меня мысли! На часах восемь скоро, ночь на дворе, а он всякой ерундой голову забивает!

И пошел я в сторону заката, ночлег искать – спать под деревом меня как-то не тянуло…

* * *

В город меня не пустили – с наступлением темноты все ворота Окольного города (то есть внешней стены) закрывались, и откроют их только утром.

Стражи на башне вошли в мое положение и дали совет – топать вдоль стены до моста, перейти на тот берег и встать на постой в Детинце. Там даже ночью принимают гостей – мало ли какой купец запоздает.

Я последовал совету и побрел к мосту. Вообще-то Великий мост впервые упомянут в летописи за XII столетие, но кто сказал, что его не построили раньше? Вот сейчас и проверим…

Я вышел на берег и осмотрелся. Яркая луна превращала течение реки в широкую серебряную ленту, поперек которой чернели быки моста – их тут называли городнями.

Городня – это крепкий бревенчатый сруб, заостренный против течения и набитый камнями.

Волхов – очень своенравная река, зимой она почти не замерзает, зато весной по ней сходит лед, сносимый с Ильменя, – не всякий мост выдержит подобный напор.

Я поежился. Моста не было.

Мастера местные выставили десять или больше городней, а вот сами пролеты между ними только-только начинали класть. Лишь у самого берега были уложены бревна в один слой по всей ширине моста, а дальше были сплочены где три, где всего парочка ошкуренных стволов.

Тяжко вздохнув, я пошагал. Бревна сидели крепко, но балансировать на двух бревнах, сохраняя равновесие над бурливой рекой, – то еще удовольствие.

Один раз нога соскользнула – я мигом присел, перебарывая желание двигаться дальше на карачках, и медленно выпрямился.

Нам ли, волхвам, на четвереньках бегать? И выбрался на западный берег.

В Детинец меня пустили без разговоров. Тиун, местный чиновник (и видно, что хитрован), тут же подкатился, став в позу «Чего изволите?»

– Мне бы переночевать, – сказал я со значением, – но чтобы не где попало.

– Постоялые дворы почти полны, господине, – зажурчал тот, – лишнюю койку найти трудно, потому как дешева. А вот в гостином дворе и выспитесь на мягком, и попотчуют вас горячим. Если помыться желаете с дороги, то тут недалеко торговая баня[5 - То есть общественная, платная.] Гостяты.

– Ну, я пока не слишком запылился… Веди меня на гостиный двор.

– Вот и правильно, вот и ладно! – обрадованно зачастил тиун.

Видать, перепадало ему от местных «отельеров».

Гостиный двор меня не впечатлил особо. Больше всего он напоминал три барака, сложенных из бревен буквой «П», лишь над средней «планкой» возвышался второй этаж.

Внутри царил полумрак, разбавленный огнем свечей. Хозяин, увидев дирхем, мигом расстарался, погнал сонных девок стелить мне в горнице наверху да ужин подавать.

– Все еще горячее, – уверял он, – прямо из печи! Поснидайте.

Я только рукой махнул – неси!

Днем я был бодр, а вот ближе к ночи словно иссяк во мне заряд. Или это от того, что расстроился я, не попав домой? Не знаю, устал, короче.

На ужин подали кашу с мясом, пирожки да сбитень горячий. Несмотря на тревогу и беспокойство, аппетита я не потерял.

Полати, на которых мне постелили, ничем особенным не отличались от привычной мне кровати – на решетке из кожаных ремней лежала перина, набитая, правда, не пухом лебяжьим, а гусиным пером, но я не привередлив. Лишь бы чисто все было.

Раздевшись, я лег, положив пистолет под подушку. Этот предмет постельной роскоши на Руси был редок. Простолюдины спали, подложив под голову одежду, но у меня в «номере» имелась арабская подушка – расшитая узорами, с кистями и бахромой.

Укрывшись стеганым одеялом, я закинул руки за голову да призадумался. Правда, долго размышлять мне не пришлось – скрипнула дверь, и вошла девица в расшитой рубахе. На поставце горела всего одна свеча, так что разглядеть прелестницу было трудно. Но можно.

Хорошенькая. А грудь такая высокая, что можно сверху книгу положить – не упадет.

Девушка вынесла грязную посуду и вернулась с еще одной свечой. Накапав воска, она ее установила и спросила, дразняще выгибаясь:

– Чего еще желаешь, господине?

– Тебя, – ляпнул я.

Думал, она обидится – нет, девица улыбнулась, расстегнула свою понёву, спустила рубаху… Свет двух свечей облил оранжевым стройные ноги, крутые бедра и роскошную грудь.

Красавица изогнула свой стан, расплетая косу, и легла рядом.

Никакой напускной стыдливости я в ней не почувствовал – девица сразу прижалась ко мне, ее ладонь огладила мне живот, спустилась ниже… Задыхаясь, я стал ее лапать и тискать.

Мы еще долго барахтались, пока не угомонились.

А утром продолжили.

Было свежо, а стекол тут не знали. Бажена – так звали мою неожиданную подружку – гибко встала, потянулась так, что я опять чего-то захотел, и отдернула плотную занавеску. Девичье тело засияло в розовом зоревом свете, и я даже про утехи забыл – лежал и любовался.

– Ты очень красивая, – сказал я.

Бажена томно улыбнулась. Вернулась ко мне на полати, присела, наклонилась и поцеловала – не страстно, а нежно и ласково.

И я начал мучительно думать, что же мне делать, как поступить.

Мне казалось, что девушка отдалась мне лишь для того, чтобы подзаработать. Здесь, в этом времени, иное отношение к любовным утехам – поповщина еще не подпортила естественный взгляд на секс. Но и разврата, тотального блуда, в котором церковники всегда винили язычников, тут тоже не замечалось.

Существовала целостная, стройная и строгая система обычаев и табу, поступиться которыми нельзя – тебе же хуже будет, здоровью твоему, мужчина ты или женщина.

Вот я и мучился. Как мне отблагодарить Бажену? Просто заплатить ей? А вдруг это обидит ее?

Мне вовсе не хотелось делать девушке больно. И тут меня озарило – я вспомнил, что в моем кошеле не только дирхемы с динарами. Там еще лежала серебряная проволока, от которой можно было отрубать кусочки-рубли, несколько колец и перстень с изумрудом. Здесь он называется смарагд.

Я мигом сунул руку под подушку, порылся и вынул перстень.

Взял руку Бажены и со словами «Это подарок!» надел ей украшение на палец. Глаза девушки округлились, ротик тоже, и она выдохнула:

– О-о!

И бросилась меня целовать. Да так, что у меня кровь закипела, и мы снова стали барахтаться…

Глава 6,

в которой я знакомлюсь с тёзкой

Гостиный двор я покинул, оставляя в душе и теле приятные воспоминания. Тогда же у меня родилось чувство странной причастности к этому миру.

В принципе, ничего удивительного – вокруг лежала та же земля, что и в далеком будущем, и заселяли ее те же люди. Разве что понятие «Родина» было для них иным.

Словом «русь» в этом времени обозначали одно из племен, князей которого местные призывали, чтобы те правили ими, гоняли ворогов и порядок наводили. А общего названия для всех, живущих вдоль пути из варяг в греки, не существовало.

Жили тут «финны», то бишь финно-угры – карелы, весины с чудинами, меряне, голядь и водь, ятвяги и подданные жрецов криве, записанные Нестором в какие-то кривичи; скандинавы – нореги, даны и свеи; тюрки – северяне-савиры и булгары-ульчилары, которых тот же летописец окрестил уличами, а в степях озоровали печенеги, совсем недавно откочевавшие из-за Волги. Национализм только-только зачинался, для тех же новгородцев киевляне или москвичи были чужаками.

И первой силой, собирающей столь разные племена в единый народ, должен был стать меч – Олег Вещий был твердо намерен продолжить дело Рюрика.

На ум мне пришла мысль о второй силе – вере. С каким бы предубеждением я ни относился к христианству, но это была единственная религия, подходящая всем народам будущей России.

Хотя, если подумать, с какой это стати мы должны позволять себя крестить попам из Константинополя? Кто они такие?

Внедрим свою церковь! Чтобы Бог был воистину един, безо всякой Троицы, а Христос являлся человеком, иначе его воскрешение с вознесением ничего не значат.

Ежели Иисус – сын божий, то что ему стоит потерпеть муки на кресте? И стоит ли вообще говорить о воскрешении бога? И какой, интересно, пример может дать смертным Господь?

А вот пропишем, что Христос был сыном плотника, но заповедь новую дал людям. Распяли его, но Христос воскресе.

Совсем же другое дело!

Следовало, правда, поспешать с Булгарией – скоро туда заявятся миссионеры из Халифата. Надо их опередить.

Я только головой покачал. Ничего же еще не сделано, и неясно вообще, выйдет ли чего. Ведь я тут один.

Хорошо, если сегодня откроется межвременной проход, и я увижу друзей. А если нет? Если я тут навсегда, на всю свою жизнь?

– И один в поле воин, – сказал я мужественным голосом, – если он не чмо.

Прогулявшись по Детинцу – удивляло отсутствие храмов с крестами на куполах, – я выбрался на берег Волхова. Мостовики уже вовсю работали, тягали бревна, стелили, так что я перешел на правый берег без проблем – днем это

было не трудно.

Выйдя на Большую Пробойную, я и тут заметил «дорожников» – они укладывали «твердое покрытие». Тяжелые деревянные плахи и брусья выстилали улицу, а по сторонам даже поребрик набивался.

Да, это вам не Европа какая, тут из окон ночные горшки не выплескивают, а улицы не походят на смрадные канавы.

Сначала я не хотел возвращаться на поляну с идолом – рано ведь еще, да и зачем привлекать внимание к тому месту. Но потом подумал: а вдруг друзьям удалось-таки починить МВ, или что там у них случилось, и они оставили мне записку или знак какой? Держись, дескать, мы скоро!

И я потихоньку зашагал из города.

Чем ближе была поляна, тем больше надежд я питал. И тем горше было разочарование – никаких знаков, записок или иных следов не обнаруживалось.

Ну и ладно, решил я, подожду до вечера. Не доходя до валуна, свернул в лес, на едва набитую тропу, которая уводила к югу. Может, думаю, в Городище побывать? Погляжу хоть.

Не знаю, сколько я шел, но вдруг услышал детский крик. Испуганный голос верещал: «Не подходи! Не подходи!»

«Педофил, что ли, объявился?» – подумал я по привычке жителя XXI века и ринулся на помощь. Терпеть не могу эту мразоту.

Выскочив на небольшой лужок, я увидел маленького мальчика, годиков трех с виду. Он прижимался спиной к березе, а на него наступал… нет, не мужик-детолюб, а матерый волчище, да не один, а с приятелем. Соблазнились, видать, человечинкой.

Взрослый их и не увидел бы, наверное, побоялись бы серые на глаза показываться, а малышом чего ж не закусить?

Увидев меня, волки не удрали, поджав хвосты, а оскалились – мол, это наша добыча, не трожь!

Молча выхватив меч, я бросился к тому зверю, что был ближе к мальчику. Лютая животина оказалась – ляскнув пастью, волк бросился на меня, но сталь оказалась острее клыков. Да и быстрее – одним махом я разрубил хищнику горло, и тот рухнул в траву.

Второй волчара оказался хитрее – он не стал со мною связываться, а молниеносно кинулся к мальчику. Схватить – и в лес.

Не поспевал я за ним ни бегом, ни в прыжке, поэтому схватился за «тэтэшник». Выстрел прогремел оглушительно.

Волк «поймал» пулю в прыжке и свалился, перекатываясь, у самых ног малыша. Тот стоял, бледный и неподвижный, как забытая кукла.

– Напугали тебя? – улыбнулся я, пряча пистолет и обтирая меч о серую шкуру.

– Ага… – вымолвил мальчик. Подняв круглые глаза, из которых еще не ушел ужас, он спросил: – А ты кто?

– Немного волхв, немного воин.

– Здорово ты их…

– А пусть маленьких не обижают!

Мальчик засмеялся, хоть и через силу.

– Тебя как звать-то? – поинтересовался я.

– А ты никому не скажешь? – малыш глянул на меня исподлобья.

Я положил руку на меч и поклялся, что никому.

– Все зовут меня Ингорем, – доверчиво выложил мальчик.

– Да? Как интере-есно… Меня тоже Ингорем зовут. Как же ты тут оказался, а?

Ингорь засопел.

– А это воевода наш дразнится постоянно, что я зайчишка-трусишка. А я тогда один в город собрался! Я бы дошел, только заблудился немного…

– Понятно. А живешь ты где?

– А в Городище!

– Да? Ну пойдем тогда, проведу тебя. А то вдруг еще какой зверь попадется.

– А ты его мечом!

– Да только так…

Ну, далеко мы не ушли. За разговором я не расслышал множественного движения, и неожиданно на лужке стало тесно – из лесу повалили конные. С мечами, с секирами, с короткими охотничьими копьями.

Могутный дядька в полном боевом, но без шлема, сверкая бритой головой и мечом наголо, сразу на меня наехал, но тут малолетний Ингорь загородил меня своим тщедушным тельцем и завопил:

– Не трогай дядю волхва! Он меня от волков спас!

Дядька ловко спрыгнул с коня, бросая клинок в ножны.

– Цел? – рявкнул он.

– Да целый я, целый… – пробурчал малец.

Я стоял с опущенным мечом, не зная, совать ли его в ножны или оружие сейчас мне понадобится. Вдруг да не поверят пацаненку или просто так, для профилактики, решат замочить. Мало ли…

Тут из строя воинов выехал всадник на вороном коне. Богато отделанное седло, узда, серебром украшенная, дорогая кольчуга до колен, шлем с золотой насечкой и меч в сафьяновых ножнах с каменьями выдавали человека знатного. А расшитый плащ-корзно, застегнутый на плече золотой фибулой, и богатая шапка, похожая на тюбетейку с меховым околышем, сразу выдавали князя.

Бритоголовый поклонился ему и начал:

– Тут, княже…

Олег – а кто бы еще это мог быть? – поднял руку, останавливая дядьку.

– Я все слышал, Рогволт, – сказал он и обратился к пацаненку, строго сказав: – Мал ты еще, чтобы одному по лесу шарахаться, Ингорь Рюрикович.

Малыш понурился и зашмыгал носом.

– Так ты – сын Рюрика? – поинтересовался я.

– Да! – тут же воспрял Ингорь. – Рюриковичи мы!

– Молодец, что не сплоховал.

– Я же испугался!

– Но ты же не плакал?

– Нет! – мигом загордился князь Игорь. Будущий.

– Ну вот!

Неожиданно я заметил в свите князя старого знакомца – Гюряту. Седой подъехал к князю и что-то тихо сказал ему. Олег, глядя на меня, кивнул.

– Так кто ты, – спросил он, – волхв или воин?

– Трудно сказать, княже, – усмехнулся я, отправляя меч за спину. – Но в свое время полусотней командовал.

Ну, о том, что дослужился до старшего сержанта, я упоминать не стал.

– А ко мне пойдешь в дружину? – поинтересовался князь.

– А кем?

Олег Вещий рассмеялся, и сопровождающие его тоже заулыбались.

– А ты, я вижу, цену себе знаешь! Десятским тебя назначу. Лады?

– Лады, княже. Для начала можно и десятским…

– А потом? – полюбопытствовал князь.

– Надеюсь, что и в тысяцкие выйду, и в темники…

– Темники? – нахмурился Олег. – А ведомо ли тебе, сколько душ в одной тьме?

– Десять тысяч, княже, – спокойно ответил я. – И половины тьмы не наберется в твоей дружине, я знаю, но многое, если не все, зависит лишь от твоего хотения и веления.

Мне был виден тот хищный блеск в глазах князя, который лучше всяких тестов доказывал амбициозность Олега.

Раньше его угнетало положение второго человека после Рюрика, а теперь он, по сути, снова второй – регент при малолетнем Ингоре.

И Олег спешил, ему некогда – надо было оставить после себя державу, в величии которой все тутошние короли устыдятся собственного убожества.

– И ты знаешь, Ингорь Волхв, – медленно проговорил князь, – как собрать такое войско, в коем будут тьмы и тьмы?

– Знаю, княже. Я служил в таком войске.

Положение обязывало – Олег не мог наброситься на меня с расспросами. И вот он, пригашивая свое нетерпение, знаком велел привести мне коня.

Молодой воин подвел ко мне гнедого, косившего хитрым глазом. Красивый коняка – черная грива отвалом набок, хвост нервно дергается. Седло было обычным, но удобным для дальних переходов – с высокими луками.

Я вскочил, и гнедок тут же напряг спину, готовясь меня сбросить. Ну, это мы проходили – на заставе не только овчарок держали, но и лошадей, так что конник я хоть куда.

Князь Олег и почти все его окружение были из варягов, этакого ордена меченосцев. Вот, скажем, в Скандинавии здешней проживают даны и нореги, а как зовут выходцев из этих племен, что садятся на корабли и отправляются в грабительский поход? Викинги!

Так вот, варяги – это то же самое. Пираты, мореходы и бойцы племени русь. Варяги на своих лодьях доходили до Севильи, где сейчас правят арабы, и вволю грабили и жгли тамошние селения.

Варяг – это воин божьей милостью. В море или на реке он непобедим, а когда варяги сходят на берег, то становятся лучшей тяжелой пехотой в мире.

Но кавалеристы из них никакие. В лошадях знают толк близкие соседи русов – хазары, савиры, булгары или угры, не говоря уже о печенегах, а вот для варягов кони лишь средство передвижения.

Доехали до поля боя – и спешились.

Мне, конечно, далеко до печенега, джигитовке и прочим штучкам не обучен, но по сравнению с варягами я – истинный кентавр.

И когда гнедок заржал, вставая на дыбы, я его живо укротил.

Конёк попрыгал, покрутился, пофыркал и успокоился, поняв, кто главный. А я все это время сидел как влитой, небрежно удерживая равновесие. Герой родео, в общем.

Достав из котомки вчерашний пирожок, я дотянулся и скормил вкусняшку гнедому. Животина отказываться не стала.

Когда я угощал коняшку, то краем глаза приметил – князь со своими переглядывается. Видать, мои показательные выступления оценивали. Судя по всему, я получил высокие оценки.

«Шесть-шесть, шесть-пять, шесть-шесть…» – как в любимом мамулькином фигурном катании.

Стряхнув крошки, я перевел взгляд на князя.

– Благодарю, княже, добрый конь.

Тот кивнул, улыбнулся и махнул рукой:

– Едем, братие!

Бритоголовый Рогволт, не покидая седла, подхватил Ингоря Рюриковича и усадил с собою. По одному все конные проехали узкой тропой, миновали мост, а на том берегу дорожка раздалась в добрый шлях.

Незаметно я оказался рядом с князем. С минуту Олег выдерживал паузу и лишь затем спросил, не поворачивая ко мне головы:

– Ты говорил, что служил в большом войске…

– Да, княже. Тем войском командует выборный король, как конунг у нурманов. Путила – так его зовут.

– Во! – удивился Рогволт, оказавшийся поблизости. – Знавал я одного Путилу!

– Не перебивай, Рогволт, – досадливо поморщился Олег. – Так как же Путила собрал большое войско?

– А вот как, – продолжил я открывать секреты. – Была у него поначалу дружина, как у всех окрестных владык. И вот решил он собрать настоящие вооруженные силы. Чем они отличаются от дружины? А тем, что служат всегда, каждый день. Когда идет война – воюют, а когда мир – проводят учения. Это как бы война понарошку, чтобы боевой навык не растерять. И сказал выборный король своей дружине: «Каждый из вас отныне поведет войско! Вы – самые опытные и знающие, будете теперь, как я над вами, над своими десятками и сотнями!»

И вот каждый десятский набрал себе десяток ополченцев-воев из охочих людей – молодых парней, имевших тягу к воинскому делу. Каждый день он гонял своих добровольцев – они и бегом бегали, и силушку себе добавляли, тяжести таская, боролись, стреляли из лука, метали копье, бились на мечах да секирах. И через год Путила построил свое большое войско…

– Так не бывает! – сказал Олег с разочарованием.

– За год! – фыркнул Рогволт. – Ха! Да за год вои едва копья научатся держать!

– Княже, – молвил я терпеливо, – этой науки вполне достаточно. Знаешь, что главное в большом войске? Вовсе не умение, а дисциплина! Дисциплина – это полное послушание командиру. Если командующий дал приказ – воины должны его исполнить. Сразу же, быстро, четко, не рассуждая и не споря! А для тех, кто нарушит дисциплину, наказание бывает разное, но чаще всего – смерть. Вот ты представь себе только: большое поле, а на нем войско стоит. Кинешь взглядом налево – не видать края тому войску. Кинешь взгляд направо – до самого небоската бойцы стоят! Да как стоят! Смирно, ровно, ряд за рядом. Десяток подчиняется десятскому, пять десятков и пять десятских – полусотнику. Две полусотни – сотскому. Десять сотен – тысяцкому. Десять тысяч – темнику. И вот две таких тьмы будут способны завоевать Булгарию или Хазарию! Не веришь? Был у греков такой воевода, звали его Александр Македонский. Собрал он

дружину в две с половиной тьмы и отправился бить персов. А те вышли огромной толпой – шестьсот тысяч воинов. Шестьсот тысяч! Но Македонский разбил персидское войско! Как? Во-первых, он умел воевать. Во-вторых, его дружина умела держать строй. Представь себе тысячи копьеносцев – они шагают, выставив свое оружие, а на них мчатся персидские конники. Но что лошадь против крепкого копья? Волчья сыть! Вот дружина твоя, когда наступает клином, что делает?

– Бьется, – буркнул князь.

– Она держит строй! – с силой сказал я. – А тут тот же клин, только не из десятков мощных воинов, а из тысяч обученных воев. Да, каждый из них не продержится, схватившись с любым бойцом из твоей дружины. Вон, Рогволт легко уделает полдесятка таких, но вместе они – сила, а когда их тысячи и тьмы, эти слабые вои непобедимы. Так-то. Ну, копейщики, меченосцы – это еще не все. Представлена в войске у Путилы и сильная конница. Куда ж без нее? Есть легкая конница из лучников, а есть тяжелая. О-о! Это самое великолепное зрелище, которое я видел – атака тяжелой конницы! Каждый всадник полностью, с ног до головы, укрыт железными латами. Даже конь его защищен маской и тяжелой попоной чуть ли не до самой земли – стрелы вязнут в той попоне. А в руке у конника – огромное копье в два роста. И вот эти бойцы, закованные в железо, направляют своих коней на врага и несутся на него, выставив копья. Земля дрожит под копытами могучих коней, а враг в ужасе бежит, ибо остановить разбег тяжелой конницы может только скала!

Князь заслушался, и я продолжил:

– Есть у Путилы и особое войско – воловьи упряжки тянут за собой осадные орудия, катапульты и баллисты.

– Слыхал о таких, – кивнул Рогволт.

– Если крепость не сдается, катапульты мечут в осажденных огромные камни, пуляют заостренные бревна, как стрелы, а могучие тараны, укрытые сверху, вышибают ворота. Бывает, что крепостные стены очень высоки и сложены из камня. Тогда к самой стене подкатывают огромную осадную башню, выше деревьев. Пока на нижнем этаже башни по стене лупит таран, на верхнем этаже дерутся бойцы, которые вровень с защитниками града. И град обязательно

падет! Есть и флот – сотни лодей и больших кораблей с двумя мачтами, вооруженных сифонами, выдувающих на неприятеля «греческий огонь»…

– Ты знаешь тайну «греческого огня»? – резко спросил Олег.

– Ведаю, княже, – ответил я.

На самом-то деле никто толком не знает, из чего состоял настоящий «греческий огонь», но уж зажигательных смесей придумано немало, а огнемет устроить нам по силам.

Самые простые зажигательные смеси готовились в Великую Отечественную и нами, и немцами. Рецепты разные. Брали, скажем, семьдесят процентов солярки и тридцать – сырой нефти. Или на полбака нефти добавляли по четверти керосина и бензина. Главное тут – нефть, а она где попало не встречается. Ближе всего – полуостров Апшерон. Говорят, что и на Тамани нефть имеется.

В принципе, обычную горючую смесь можно здорово усовершенствовать, загустив алюминиевыми солями нафтеновой и пальмитиновой кислот. И получим напалм.

Но это для IX столетия почти недостижимая вещь. Хотя…

Кто его знает? Может, как раз монах Калинник, изобретатель «греческого огня», и додумался до напалма?

Я поглядел на князя – тот впал в задумчивость. Ну, думай, думай…

Идейку я ему подбросил и буду очень разочарован, если Олег за нее не ухватится. Ведь я не нес никакой отсебятины, а метод создания армии везде и всегда был один и тот же – дисциплина и строй. Что римские легионеры, что нукеры Чингис-хана побеждали именно этим. Недаром император Адриан возвел Дисциплину в божественное звание.

Я бросил взгляд на Олега Вещего – на губах князя блуждала улыбка. Клюнул, что ли?

Кажется, не просто клюнул, но и заглотил наживку вместе с блесной…

Глава 7,

в которой я всемерно повышаю уровень боевой и политической подготовки

Городище в отличие от Новгорода выглядело старым. Да так оно и было – место тут удобное. На возвышенности и как бы на острове – крепость со всех сторон окружали либо протоки, либо берег Ильменя.

Стены Городища поднимались на травянистом валу и были черны от времени. Люди здесь жили всегда. По крайней мере, после того как отсюда восемь тысяч лет тому назад ушел ледник и развороченная земля начала покрываться травой, зарастать лесом.

Первую крепость на этом месте возвели еще раньше, чем в Ладоге, – уж больно выгодное расположение. Так что называть Городище Рюриковым не стоило – призванный князь въехал в давно отстроенную фортецию.

Скандинавы прозывали Русь именем Гардарики, что означало «Страна Крепостей». Получается, что Альдейга и Городище были первыми в этой стране.

Сюда, где Ильмень смыкался с Волховом, стекались не только реки, но и купцы, охотники, «работники сельского хозяйства». Природа сама устроила центр большой области там, где позже отгрохали Городище…

…С озера к крепости примыкали причалы, у которых толклись всяческие ушкуи, соймы, струги и лойвы, под парусами и без. Княжеские лодьи покачивались отдельно – военный флот!

…Правда, величиной боевые единицы рюрикова ВМФ не поражали. Надо полагать, то были не мореходные лодьи вовсе, а их уменьшенный вариант – скедии.

Лодья велика, она может взять на борт и сто, и двести воинов, по совместительству гребцов, вот только как ей пройти мелководной Ловатью до волоков на Днепр? И как одолеть сами волоки?

Я однажды видел в детской книжке рисунок, где варяги надрывались, переволакивая по бревнам большую океанскую лодью. Неужто у художника с редактором не хватило ума понять – корабль водоизмещением в двести тонн никакая команда, даже составленная из чемпионов-штангистов, не вытащит на берег, не удержит на ровном киле и не протащит километры по смазанным салом ходовым бревнам!

Мели и волоки устанавливали свой стандарт – путь по рекам совершали исключительно небольшие суда…

…Под боком у крепости процветал целый город. Так сказать, Старгород. Недаром же возник Новый.

Интересно, что прочного моста к воротам Городища не было – кони осторожно ступали по настилу, уложенному поверх огромных бревен – наплавных «пролетов». Оно и понятно – перерезал веревки, удерживавшие эти древние «понтоны» у берега, и мост снесет в озеро. И придется неприятелю штурмовать крепость с лодок.

Мы проехали воротами, и мне открылось Городище. Дымили кузницы, воняли кожевенные мастерские. В сторонке сшивали белые и синие отрезы ткани, мастеря парус. Плели канаты из пеньки и моржовой кожи. Подковывали лошадей. Мерно стучали молотами и ковадлами, «выбивая дурь» из раскаленного металла, превращая его в мечи, ножи, топоры.

В мощных амбарах и складах хранились запасы и меха. Целая команда грамотеев корябала стильями по бересте – местная бюрократия. На небольшом кургане весело горели костры, кольцом окружая маленький «домашний» храм Перуна.

А самое видное место занимали княжеские хоромы и гридница – полуказарма. В гриднице собирались на военный совет или пировали.

Надо сказать, терем Рюрика не поражал архитектурными изысками – это была большая просторная изба, поверх которой выстроили еще одну, поменьше. Причем лестница туда вела с улицы – широкая, с резными перилами, поднятая на мощные фигурные столбы.

Лязг, звон, ржание, говор резко усилились, стоило появиться Олегу. Гридни сбредались и шумели.

Убедившись же, что Ингорь Рюрикович жив-здоров, стали тискать малыша, передавая с рук на руки. Совсем князя избалуют.

Новенького распознали быстро. Тут уж доля внимания и мне перепала, спасителю дитяти.

Я почему-то думал, что Олег вспомнит обо мне не сразу, но оказалось, что тут все делается быстро, без волокиты.

Князь отдал приказ Рогволту – бритоголовый был его воеводой, и тот поманил меня за собой. Мы зашли в гридницу, всю обстановку которой составляли лавки вдоль стен да длинные столы – в будущем их принято называть монастырскими.

– Ну что, Ингорь Волхв? – усмехнулся Рогволт. – Послужишь князю?

– Я готов, – сказал я, холодея. – А тебе, я вижу, это не по нраву?

Бритоголовый насупился.

– Я тебя не знаю, Ингорь, – проворчал он, – а вот с Олегом я чуть ли не с малых лет. Все видел, все помню. Вечно Олегу кто-нибудь мешает, кто-нибудь да встанет на пути…

– Рогволт, – сказал я серьезно, – я пришел издалека не для того, чтобы мешать князю, а для иного. Больше всего на свете я хочу помочь князю – и делом, и волшбой. Олег – самый подходящий человек для того, чтобы собрать все земли окрест в могучую державу, которую станут бояться даже арабы и ромеи. Я хочу жить в стране, где проложены хорошие дороги, где купцы торгуют без обману и опасу, где лихих людей гоняют и можно будет гулять по городу даже ночью, не

боясь, что тебя ограбят или зарежут. И я хочу, чтобы такой страной стала Гардарика, а по нашему – Русь!

По-моему, воеводу мои слова впечатлили.

– А почему – Русь?

– Ну а как? – удивился я. – У хазар – Хазария, у франков – Франкия. А мы же русы? Стало быть, и жить нам на Руси.

– Боюсь, что веси с чудью такое не понравится.

– А мы их и спрашивать не будем! – улыбнулся я.

Рогволт расхохотался и хлопнул меня по плечу:

– А ты мне нравишься, Волхв!

Подойдя к окну, он высунулся во двор и прокричал чисто сержантским голосом:

– Воист! Рулав! Карл! Линду! Тойво! Ивар! Лют! Идан! Ратша! Фолар! Ко мне!

Послышался топот, и вскоре в гридницу явились молодые воины – ровно десять. В Европе таких, как они, именовали пажами, нурманны звали их дренгами, а на Руси – отроками.

Это был низший разряд княжеской дружины, комплектовавшийся из сыновей самого князя, боярских детей и отпрысков гридней, то есть старших воинов. Так сказать, «дедов», ветеранов боевых действий.

Каста. В принципе, это было разумно – формировать дружину из своих, у которых армейщина в крови, но тогда и выбора нет. А ведь за пределами узкого круга боярства и всяческого княжья полно народу с талантами бойцов. И что? А ничего.

Посторонним вход в дружину был запрещен, а если кого и брали со стороны, как меня, к примеру, то такую милость надо было заслужить. Не знаю уж, добился ли я расположения Олега или это продолжалась проверка.

Во всяком случае, я не рядился пока с князем, не договаривался, то есть и торжественного приема тоже не наблюдалось.

Ладно, подумал я, проверяйте. Но сначала проверю я.

– Князь решил, что вы достаточно были в услужении, и велел собрать из вас десяток, – торжественно провозгласил Рогволт. – А вот ваш десятник – Ингорь Волхв!

Отроки оживились – наконец-то их из мальчиков перевели в мужи! Кончились окрики, подзатыльники и зычные команды подать то, принести это. Все, служба пошла!

Воевода обернулся ко мне и сказал:

– Они твои, Ингорь.

Когда круглоголовый покинул гридницу, мне показалось, что стало светлее – здоровенный воевода занимал слишком много места. Я оглядел свой десяток и усмехнулся.

Молодые совсем. Салабоны. Ничего… Вы у меня живо станете отличниками боевой и политической подготовки.

– Меня вам представили, – начал я, – а с вами я постепенно познакомлюсь. Служить мы начнем здесь и сейчас. Служба ваша уже пошла. Сначала запомните, что я от вас требую. Мне не нужно, чтобы вы прислуживали мне за столом, с миской и кружкой я как-нибудь и сам справлюсь. Я хочу, чтобы вы поняли: мой приказ – это закон! Скажу: упади – падай! Скажу: стой! Замри и не двигайся. Ясно?

– Да… Ага… Ясно… – загудели отроки.

– Я буду вас учить так, как учили меня в самой сильной дружине на этом свете. Если вы не сдадитесь и не струсите, то через год или даже раньше станете лучшим десятком в дружине князевой.

Отроки переглянулись, улыбаясь – весело, с надеждой или малость растерянно.

– Отвечать надо четко и по уставу. Если я спрашиваю, то вы мне отвечаете: «Так точно!» Ясно?

– Да! – разнеслось по гриднице. – Ну да… Ага!

И лишь один парень, жилистый, черноволосый, смуглый, но с ясными голубыми глазами, отчеканил: «Так точно!»

– Твое имя? – обратился я к нему.

– Ивар, сын Гостилы!

– Вот до Ивара дошло, – сказал я. – Повторяю. Если я спрашиваю, вы отвечаете: «Так точно!» Понятно?

– Так точно! – гаркнули все хором.

– Уже лучше. Далее. Если я отдаю приказ, вы отвечаете: «Есть!» Займемся строем…

Расставив всех по росту, я заставил всех рассчитаться на «первый-второй» и даже погордился немного. Бравые ребята!

Молодь, конечно, но это пройдет с возрастом.

– А теперь проверим, – сказал я, – из чего вы сделаны.

Объяснив им еще немного уставных фраз, я скомандовал: «За мной, бегом – марш!»

И выбежал из гридницы. По Городищу я бежал трусцой, отроки поспевали за мной следом.

Навстречу попался Рогволт. Расплывшись от уха до уха, он крикнул:

– В догонялки играешь с молодью?

– Хочу посмотреть, кого ты мне подсунул, – ответил я, – и выйдут ли из них воины!

Заметив, что один из отроков остановился, я скомандовал десятку:

– Стой! – и жестко спросил застыдившегося «игруна»: – Имя?

– Карл, – буркнул тот.

– Ты нарушил мой приказ!

– А чего я тут бегать буду?

Я сдержался.

– Если бы мы были на войне, я приказал бы тебя расстрелять… из луков. Но пока у нас учения. Поэтому – вон из десятка! Такие бойцы мне на хрен не нужны. Отря-ад! За мной, бегом – марш!

И мы побежали дальше. Не знаю уж, что там обо мне думали отроки, а сам я вдруг ощутил прилив холодной решимости. Я обязательно сделаю из этих салаг настоящих бойцов! Опыт есть.

А уж какие мы кроссы бегали!

Перебежав наплавной мост, моя девятка устремилась в лес, куда ее уводил командир, то есть я. Парнишки они были крепкие, но в кроссе главное не сила, а выносливость. Вот и поглядим, сколько вы вынесете.

От Городища до Новгорода было километра три. Добежав до Копани, я повернул обратно. Ага, выдохлись мои добры молодцы!

Распаренные, злые, дыхалка сбита.

– Не отставать!

Добежав до городищенских ворот, я походил, отпыхиваясь, и стал поджидать мое растянувшееся войско. Они еле плелись, а если и бежали, то спотыкаясь.

– Вы куда бегали-то? – поинтересовался Рогволт, появляясь в воротах.

– К Новгороду, – ответил я. – И обратно.

– По тебе не скажешь, что ты бегал…

Я усмехнулся и ответил, когда подошли первые отроки, мокрые и красные:

– Это не колдовство, Рогволт, а закалка. – Заметив, как переглянулись тяжело дышавшие бойцы, я спросил воеводу: – А где нам расположиться на ночь?

– Пойдем покажу.

Воевода провел меня в простенькую избу, примкнувшую к крепостной стене за приземистой конюшней.

– Место, конечно, не лучшее, – хмыкнул он, – но пока что их место – здесь. А дальше видно будет.

– Понятно, – сказал я, – разглядывая чистые бревенчатые стены и большую каменную печь в углу. Спят тут на лавках и на полу, но это ничего – сделаем второй ярус. А вот печка…

Топилась эта каменка по-черному. То есть дым сначала наполнял избу, оставляя повсюду жирную сажу, и лишь потом уходил вон в то отверстие в крыше. Называется – дымогон.

Видно было, что печка-то сложена, но не протоплена ни разу.

– Понятно, – повторил я. – Займемся. Кстати, Рогволт, можно тебя спросить?

– За спрос денег не беру, – ухмыльнулся воевода.

– Ты отчего стрижен-то?

– А-а! – скривился Рогволт. – Проиграл князю! Ну, поднимай своих тюленей!

Я улыбнулся – десяток мой, вернее, девятка, и впрямь напоминали лежбище.

Отлежавшись, отроки приплелись в избу, и я мигом организовал из них стройбат – одни тащили старые лавки и сломанные столбы, а другие волокли камень-плитнячок.

Поручив бойцам приделать второй ярус лавок вдоль пары стен, я занялся более квалифицированным трудом – замесил глиняный раствор и стал выкладывать дымовую трубу.

Выложив с метр, остановил работу – пускай камень усядется, а завтра можно и продолжить.

Паче чаяния, отроки мои справились с плотницким заданием – укрепили столбики, прибили лавки. Я потрогал – держится.

– Теперь надо вот сюда и сюда ступеньки присобачить. Ивар, Ратша и ты, Рулав. Займитесь.

– Есть! – дружно ответила троица и бросилась выполнять приказ.

– Линду!

– Я!

– Ты у нас кто? В смысле, какого племени?

– Из весинов мы.

– Понятно. На сегодня я тебя назначаю старшим по кухне. Возьмешь Идана в помощь, и сходите, куда тут, купите чего поесть. Вот, держи.

Линду бережно принял от меня три дирхема.

– Разрешите идти?

– Ступайте.

Вздохнув, я и сам решил прогуляться до города. Недолго ждать осталось до урочного времени. Загляну на поляну с идолом и пойду к Детинцу. Что-то меня на гостиный двор потянуло…

* * *

На поляну я вышел без пятнадцати семь. Прождал полчаса, плюнул и направил стопы к Бажене.

Глава 8,

в которой мой десяток отправляется в поход

Вторая ночь в этом мире и времени мне понравилась еще больше, чем первая. Бажену я встретил в Детинце, она обрадовалась мне и отвела к себе домой.

Оставалось лишь благословлять нынешние порядки, еще не извращенные лицемерием. Вы только не подумайте чего лишнего, товарищи посторонние, я нисколько не против христианства.

Наоборот, «возлюбить ближнего» – это величайшая идея всех времен и народов. Я против изуверов, против тех, кто использует веру в корыстных целях.

Вы почитайте Ветхий и Новый заветы – сколько там всего намешано, сколько наслоений собрано! В Библии нет стройности и гармонии, потому как некому было редактировать Священное Писание. Вот и громоздятся парадоксы, вроде Троицы, непорочного зачатия и тому подобного. А в итоге – «Верую, ибо абсурдно!».

Да дело даже не в этом. Просто нельзя давать волю духовенству, не важно, какой религии. Иначе не обойтись без инквизиции, массовых психозов и мракобесия.

Но я отвлекся. Бажена жила за стенами Детинца, примерно в том месте, где в будущем протянется улица Прусская.

У нее был маленький домик, окруженный высоким частоколом, так что постройка больше напоминала форт. Девушка жила с малолетней сестрой Радой – обе осиротели года два назад, когда их отец не вернулся из холодной Биармии, где промышлял скупкой мехов.

Известная ситуация. Дикий Север.

Я накупил гостинцев, и мы поужинали. Потом я с Баженой занимался любовью, а Рада пялилась на нас с теплой печи – тут детям не закрывают глаза на голых дядей с тётями.

Мне, признаться, было немного не по себе, тем более что Раде уже четырнадцать зим стукнуло, и груди ее выдавались под рубахой весьма заметно, но Бажена не обращала на такие житейские пустяки ровно никакого внимания. И я привык.

А потом мы просто валялись на кровати и болтали обо всем. Заснули рано, но и встали на рассвете, повторив вчерашнее в обратном порядке – сначала занялись любовью, а потом поели.

И я отправился в Городище. Вернее, меня подвезли – ушкуй, груженный золой, высадил на пристани.

Отроки уже встали и шлялись по дружинной избе.

– Стройся!

Бойцы не сразу, но построились.

– Разрешите доложить? – выступил Воист.

– Докладывай.

– А нам новенького прислали!

– Кто? Рогволт?

– А… Так точно!

Из-за спин отроков вышел здоровенный верзила, поперек себя шире – золотистые кудри, синие глаза. Богатырь!

– Представься.

Богатырь потоптался и прогудел:

– Мал меня зовут.

– Твое имя тебе подходит, – улыбнулся я. – Стать в строй. На сегодня я освобождаю вас от бега, но учтите – завтра с утра побежите опять. Если б зайцы бегали, как вы, их бы давно переловили. А если б так носились волки, то они бы с голоду попередохли, не сумев никого поймать на обед. Сегодня будем смотреть, как вы с луком упражняетесь, с копьем, с мечом, с секирой. Нале-во! Шагом… марш!

И потопали мы на стрельбище. Да, да, самое настоящее стрельбище, где упражнялись лучники. Лучшим стрелком оказался Лют – ни разу не промахнулся. А вот с копьями и топорами отроки обращались куда лучше меня. Меня утешало то, что разобрать и собрать «Калашников» они бы точно не смогли…

* * *

И потянулась моя служба. Князь со своими то на охоте пропадал, то в Ладогу наведывался, то водь белоглазую шугал, а я гонял отроков.

Кузнец здешний отлил да отковал мне что-то похожее на «блины» от штанги, сделал и гриф. И стали мои задохлики мышцы себе накачивать.

Кожаный мешок с житом повесили, чтобы отрабатывать удар.

Я свой десяток только самбо учил да карате, вернее, тому миксту из восточных единоборств, что нам на заставе старшина Бехоев показывал. Мы, говорит, погранцы, а не спортсмены. Нам главное – нарушителя скрутить, а «ки-а!» пущай Джеки Чан вопит…

Человек я контактный, так что пристроил к своим отрокам нужных людей. Бой на мечах преподавал Вуефаст Беззубый, старый рубака. Как с луком обращаться, показывал Булан, чистокровный хазарин. В его луке тетивой служила «косичка», свитая из оленьих жил. Растянуть такой до упора мог один Мал, зато выпущенная стрела пробивала человека навылет.

«Тренером по гребле» выступил седой Доман, бывший кормщиком у самого Рюрика.

Такая вот была учебка.

Первую неделю я еще наведывался на злополучную поляну, а потом бросил это дело. Не ближний свет – топать в такую даль, а чего ради?

Не то чтобы я смирился со своим уделом – просто свыкся. Да и что я такого забыл в будущем? Интернет? Вот уже месяц не заходил ни на один сайт, и жив до сих пор!

Жаль, конечно, что друзья остались там, но некому пенять.

Нет, в самом деле! Кому-то может показаться, что я бодрюсь и притворяюсь, но мне по-настоящему нравится это время, эти люди, этот мир. Говорят, что он

жесток. А когда было иначе?

По крайней мере, здешняя безжалостность честная и нелицемерная, здесь пока нет и следа той подлости и гнуси, которой пропитана «реал политик» в моем родимом будущем.

А иногда мои современники – те, что остались в XXI столетии, – принимают за жестокость здешнюю наивность или трезвый расчет. Вот, дескать, викинги, когда на деревню прибрежную нападали, не только монахов грабили в тамошней обители, но даже детей вырезали! Так ведь нужно логику понимать местную, а не своей пользоваться!

Вся та достоевщина, которой набиты наши головы, весь этот лепет о слезе ребенка – такая чушь! Да ребенку поплакать – что пописать!

А викинги не потому детишек резали, что кровожадными были. Они рассуждали просто: если вырастет мальчик, он станет воином и отомстит нам. Если вырастет девочка, она станет матерью и родит будущего воина. Так лучше сразу пресечь грядущую опасность! Вот и все.

Вообще, я поражаюсь нынешнему времени. Здесь потрясающая наивность сочетается с мелочным расчетом. И это неспроста.

Жизнь здесь трудная, а надеяться нужно только на себя да на родичей. Вот я однажды, сидя на приеме в поликлинике, слушал разговор двух пожилых дам, сурово осуждавших девушку, избравшую бездетную стезю «чайлд-фри». «Да как она могла! Ай-яй-яй! Да как же без детей, да сюси-пуси!»

Я не выдержал и вмешался. Спросил: «А вы можете ответить, зачем вам дети?» Они были ошарашены – это, мол, все знают! Ну так ответьте, говорю. А дамы все свое гнут: дети – это счастье, дети – то, дети – сё… Я говорю: «Дети – это бессонные ночи, это утрата красоты и стройности, это каторга, на которую вы сами себя обрекаете на долгие годы, на всю жизнь. Так для чего это все? Для какой цели?»

Дамы не смогли тогда ответить, а вот местным все ясно: дети нужны, чтобы продолжался род. Но это всего лишь мелкая красивость, не более.

На деле же дети нужны для вполне реальных, житейских дел. Тут ребятня с пяти лет помогает родителям. И не так, как у нас, в будущем: «Ой, какая у мамы помощница растет! Сама тарелочку помыла!»

Нет, здесь детям поручается вполне себе ответственная работа – например, поле охранять от всяких ворон, зайцев и прочих халявщиков. И не дай бог выйдет потрава – накажут так, что неделю сесть не сможешь. Ведь урожай – это еда, а еда – это жизнь. Не исполнив свою работу, дитя ставит под угрозу само существование семьи и рода.

А знаете, почему в XXI часто хотят мальчика, а не девочку? Никто на этот вопрос тоже ответить не в состоянии, потому что это пережиток прошлого – того самого былого, которое ныне мое настоящее.

Вся разгадка в том, что здесь нет пенсий и содержать родителей в старости – это обязанность сына. Именно сына, поскольку дочь уходит в другой род, и от нее иная прибыль – вено. Или мунд. Или калым. Короче говоря, выкуп за невесту – компенсация родителям за то, что вырастили дочку, кормили ее и одевали.

А сына в отрочестве отдают в люди, тот учится ремеслу. Лет с двадцати работает помощником – кузнеца, скажем. Потом и собственной кузней обзаводится, обрастает клиентурой, появляется доход. Сын строит дом, а тут ему как раз и тридцатник исполняется. И он вводит в свое отдельное жилье молодую жену (девушек отдают замуж в шестнадцать, иначе им не успеть), появляются дети, а чуток погодя можно и родителям помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

С французского – «Вы готовы?» Команда в спортивном фехтовании. Если участник состязания не готов к бою, он должен топнуть ногой и поднять оружие вверх.

2

Огнищанин – вольный землепашец, хозяин огнища – лесного участка, где выжигались деревья и распахивалась (не плугом, сохой) земля под поле или огород.

3

Если верить летописям, Олег получил свое прозвище лишь в 907 году, после удачного рейда на Константинополь.

4

1 серебряный дирхем был равен 6 медным данникам. 35 дирхемов составляли 1 золотой динар.

5

То есть общественная, платная.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bol-shakov_valeriy/griden-iz-varyag-v-greki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить